

Настоящее издание отпечатано
в Государственной типографии
имени Ивана Федорова,
Звенигородская 11, в количестве
тысячи пятисот экземпляров

ДУЭЛЬ И СМЕРТЬ
ШУШКИНА

Памяти
А. С. ПОЛЯКОВА
скончавшегося
4-го октября 1923 г.
в Петрограде

Н О В Ы Е М А Т Е Р И А Л Ы
О ДУЭЛИ И СМЕРТИ
ПУШКИНА

Б. Л. МОДЗАЛЕВСКОГО, Ю. Г. ОКМАНА
и М. А. ЦЯВЛОВСКОГО

СО СНИМКОМ С УСЛОВИЙ ДУЭЛИ

ТРУДЫ ПУШКИНСКОГО ДОМА
ПРИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

«АТЕНЕЙ»

ПЕТЕРБУРГ

1924

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стран.
Кто был автором анонимных пасквилей на Пушкина? <i>Б. Л. Модзалевского</i>	13
Апокрифическое письмо императора Николая к Пушкину <i>Ю. Г. Оксмана</i>	51
Бумаги о дуэли и смерти Пушкина из собрания <i>П. И. Бартенева. М. А. Цявловского</i>	73

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. Орывок из воспоминаний <i>С. А. Соболевского</i> о Пушкине. Сообщил <i>М. Д. Беллев</i>	115
2. Беседа <i>М. И. Семевского</i> с дочерью Пушкина, графиней <i>Н. А. Меренберг</i> . Сообщил <i>С. М. Шпицер</i>	126
3. Мог ли иностранец написать анонимный пасквиль на Пушкина? (Опыт графического анализа). <i>Б. В. Томашевского</i>	124

Дуэль и смерть Пушкина никогда не перестанут интересовать и волновать всех, кому дорога память о «Солнце Русской поэзии». Детальная и документальная разработка обстоятельств, сопровождавших печальные события последней дуэли и кончины поэта, началась уже давно, но и теперь, после недавних монографических исследований П. Е. Щеголева и А. С. Полякова, многие вопросы, связанные с этими событиями, неясны и нуждаются в дальнейшем обследовании. В настоящей книжке ее составители и издатель сообщают несколько соображений и материалов, касающихся дуэли и вносящих некоторые поправки и подробности в изложение описанных предыдущими исследователями происшествий.

Книжка посвящается памяти безвременно скончавшегося 4-го октября 1923 г. Александра Сергеевича Полякова, автора изданной в начале 1922 года, в серии «Трудов Пушкинского Дома», книги «О смерти Пушкина».

Б. Л. МОДЗАЛЕВСКИЙ

**КТО БЫЛ АВТОРОМ АНОНИМНЫХ
НАСМЬИЛЕЙ НА ПУШКИНА?**

29-го января 1837 г. Пушкин погиб жертвою роковой цепи причин, которые объясняют на разные лады, заостряя их то в сторону ревности поэта, то в направлении какого-то заговора против него «сфер», двора и великосветского общества, то в сторону упадка его литературной производительности, разочарования в своих силах, то, наконец, стараясь объяснить роковой вызов и последовавшую смерть сознательным стремлением поэта выйти из тяжелого, безысходного материального положения, пресечь существование, ставшее невыносимым .. П. Е. Щеголев в работе своей о дуэли и смерти Пушкина сделал попытку подвести итоги всему разнообразию этих мнений, но вопрос все таки остался вопросом. Несомненно, однако, что ближайшим, непосредственным поводом к дуэли была ревность поэта, а ревность доведена была до бешеной вспышки внешним поводом —

полученными Пушкиным подлыми, оскорбительнейшими анонимными письмами, разосланными ко многим личным его знакомым, преимущественно светским.

Кто был автор этих писем? Кто был духовный убийца Пушкина, скрывшийся за презренным анонимом и не имевший смелости открыто бросить в лицо бесконечно благостному поэту позорящий упрек, задевавший честь и его жены, и его собственную? Физический убийца — Дантес — вышел на поединок при свидетелях, затем перед лицом всего света понес наказание (как бы мало в наших глазах оно ни было, оно, несомненно, карало Дантеса весьма чувствительно) и всю дальнейшую жизнь ощущал на себе упрек лучшей части Русского общества, выразителем настроения которого явился Лермонтов в своих пламенных строфах на смерть Пушкина... Всякая встреча с новым Русским человеком в течение всей долгой жизни Дантеса была для него, без сомнения, тяжела и заставляла его настораживаться и чувствовать новое угрызение совести. Но кто страдал, как моральный виновник того, что пролилась «поэта праведная кровь», и что он, «невольник чести», пал жертвою обстоятельств

и случая? Нам мучительно хочется знать: кто он? Понес ли он кару при жизни? Страдал ли от открытого презрения современников, среди которых были тысячи горячих почитателей поэта? Чье имя должно быть ненавистно и нам, уже далеким их потомкам? Но и на эти вопросы, как и на вопрос о глубоких причинах гибели Пушкина, мы не можем ответить с точностью.

В указанной книге своей П. Е. Щеголев подробно остановился на вопросе о личности автора анонимных писем, посвятив особую заметку: «Князя И. С. Гагарин и П. В. Долгоруков в деле Пушкина» (изд. 2-е, Пгр. 1917, стр. 414—424) соображениям о том, кто из них мог бы быть более заподозрен. Впрочем, он склонен полагать, что «вопросу об авторах и распространителях писем» в истории последней дуэли поэта должно быть отведено «место даже не второстепенное, а просто последнее». Мы не можем согласиться с подобным суждением,^{*} но как бы то ни было, ни П. Е. Щеголев, ни А. С. Поляков в работе «О смерти Пушкина» (С.-Пб. 1922, стр. 17 и 80—81)¹⁾ не высказали своих определенных су-

¹⁾ Здесь приведен и снимок с анонимного письма (стр. 14 и 16); как этот экземпляр, так и другой —

ждений; последний, однако, пришел к убеждению, что из числа заподозренных в сочинении писем лиц следует снять всякое подозрение с Геккерена - отца.

Уже давно в обиход пушкиноведения вошло письмо одного из подозреваемых, — письмо князя И. С. Гагарина (1865 г.), иезуита, в котором последний честным словом своим заверял о полной непричастности к «темному», по его выражению, делу фабрикации анонимных пасквилей на Пушкина; в конце этого письма Гагарин, между прочим, рассказывал о том, как «несколько лет тому назад один старинный его знакомый приехал в Париж из России и стал опять его расспрашивать про это дело». «Я ему сказал, что я знал и как я знал», — пишет Гагарин. «Разговор пал на бумагу, на которой был писан пасквиль; я действительно заметил, что [анонимное] письмо, показанное мне К. О. Р[оссетом], было писано на бумаге, подобной той, которую я употреблял. Но это ровно ничего не значит: на этой бумаге не было никаких особенных знаков, — ни герба, ни литер. Эту бумагу из собраний Пушкинского Лицейского Музея, — ныне в Пушкинском Доме.

не нарочно для меня делали: я ее покупал, сколько могу припомнить, в английском магазине, и вероятно половина Петербурга покупала тут бумагу».

Гагарин не указал, кто именно был этот «старинный знакомый», который так смело ставил вопросы Гагарину и настоятельно требовал его объяснений. Очевидно, однако, что это должен был быть человек, сердцу которого дело Пушкина было близко, который мог авторитетно спрашивать о нем подозреваемого. Теперь мы можем с уверенностью сказать, что это был Сергей Александрович С о б о л е в с к и й, приятель Пушкина, человек умный и очень ему преданный; недаром друзья поэта были уверены, что будь Соболевский во время предсмертной драмы Пушкина в Петербурге, катастрофа была бы невозможна: Соболевский нашел бы способ ее предотвратить ¹⁾. Личность «старинного знакомого», о котором говорит Гагарин, с полной ясностью определяется из недавно попавшего в наши руки и переданного ныне в Пушкинский Дом при Российской Академии Наук. письма

¹⁾ См. Дневник Пушкина, изд. под нашей редакцией и с нашими примечаниями, Пгр. 1923, стр. 94 — 95.

С. А. Соболевского к светлейшему князю Семену Михайловичу Воронцову от 7-го февраля 1862 года. Письмо это сохранилось среди многих других писем к Воронцову, касающихся известного процесса князя Воронцова с не менее известным эмигрантом, князем Петром Владимировичем Долгоруковым, вызванного оскорбительною для памяти отца князя Воронцова статьею Долгорукова ¹⁾).

¹⁾ Об этом процессе, кроме изданных обеими сторонами специальных книг: «Procès du prince Woronzow contre le prince Pierre Dolgoroukow et le Courrier du Dimanche. Tribunal civil de la Seine, première instance. Président: M. Benoit - Champy, Procureur Impérial: M. S. Dumas. 1861 — 1862. — Paris», Paris. 1862, 457 + 21 стр., с 3 снимками с писем Долгорукова (другое издание — Лейпциг. 1862); «Procès en diffamation du Prince S. Worontzow contre le prince P. Dolgoroukow», Leipzig. 1862; «Procès du prince Pierre Dolgoroukow contre le prince Worontzow. Plaidoiries et observations de M-e Marie, défenseur du prince Dolgoroukow, devant le Tribunal civil de la Seine», Leipzig. 1862, 248 стр., — см. еще «Gazette de Tribune» 17 Mai 1862; «Galignani's Messenger» 24 May 1862; «Gazette de France» 8 Juin 1862 и др., а также в статье М. К. Лемке о князе П. В. Долгорукове в «Былом» 1907 г., № 3, стр. 171 — 174; там же и библиография процесса. См. также в «Русск. Стар.» 1905 г., № 6, стр. 555 — 556, в статье Е. А. Боброва;

Хотя процесс этот и завершился (3-го января и, во второй инстанции, 16-го мая 1862 г.) в пользу Воронцова (Долгоруков был признан автором анонимного вымогательного и шантажного письма к фельдмаршалу князю М. С. Воронцову и клеветником),—князь Семен Михайлович все же продолжал собирать данные, свидетельствующие о низкой нравственности Долгорукова. Замешанность последнего в деле анонимных пасквилей на Пушкина, конечно, была на-руку Воронцову; поэтому можно представить, с каким удовлетворением он получил письмо одного из ближайших друзей поэта, С. А. Соболевского, в котором он высказывался о Долгорукове и о его причастности к жестокой и гнусной выходке, повлекшей за собою гибель Пушкина... В своем ответном на два послания князя Воронцова письме Соболевский определенно высказался, что автором пасквилей он считает князя Долгорукова, князя же И. С. Гагарина склонен признавать лишь частным к делу. Приводим ценное письмо

в Записках К. Н. Лебедева — «Русск. Арх.» 1911 г., кн. I, стр. 232, 234. О самом Долгорукове и истории издания 2-го тома его «Mémoires» см. брошюру Р. М. Кантора: В погоне за Нечаевым, СПб. 1922, стр. 28 — 45.

Соболевского к Воронцову в подлинном французском тексте и в русском переводе:

Mon Prince, j'ai eu le plaisir de recevoir vos deux lettres et vos deux envois. Arrivé à Moscou, j'ai trouvé la grande majorité (comme je l'avais prévu) en faveur de D.; depuis que j'ai distribué quelques exemplaires—des gens sages sont revenus de leur opinion. Je ne me presse pas de donner le procès; voici pourquoi: mon propre journal me prouve que D. s'est trouvé ici pendant le couronnement; mais je cherche à en trouver la trace dans les livres de compte du Club Anglais; je crains donc que, si l'on voyait dans le procès la gravité de cette preuve—les séides de D. ne me mettent des batons dans les jambes pour cela.

On vient de me dire que Dantès-Heckeren veut commencer une autre affaire avec D. et qu'il prétend prouver que c'est D. qui a fait les infames lettres anonymes, qui ont été suivies de la mort de mon ami Pouschkine. Veuillez me faire savoir, si cette intention de Dantès est parvenue à votre connaissance et cela dans le plus grand détail. Depuis longtems—j'avais mille petites raisons de supposer que cette atrocité provenait de D. Vous savez que dans le

tems on a supposé que Gagarine l'avait faite et que c'est le remords de cette action qui avait pressé ce dernier à se faire catholique et Jésuite; vous savez aussi que la principale raison de cette supposition était fournie par le papier, dont on prétendait avoir vu du pareil chez G. De mon côté j'aime et j'estime trop G. pour avoir le moindre soupçon à son égard; l'année passée je l'ai cependant catégoriquement interrogé la dessus; me répondant—il n'a pas même pensé à s'en disculper, sûr qu'il était de son innocence; mais tout en disculpant D. de la chose, il m'a dit plusieurs faits, qui m'ont paru plutôt prouver la culpabilité de ce dernier qu'autre chose. Dans tous les cas il se trouve que D. vivait alors ensemble avec Gagarine, qu'il pouvait lui bien se servir du papier de ce dernier et que donc la principale cause des soupçons, dirigés sur ce dernier, pouvaient retomber sur lui.

Me trouvant dernièrement à S.-Pétersbourg—je me suis adressé à plusieurs personnes qui dans le temps avaient reçu la circulaire (NB. je me trouvais alors malheureusement à Paris). Je n'en ai trouvé nulle part en original, car les personnes l'ont détruits; si un original se trouve quelque

part, cela ne peut être que chez des individus, à moi inconnus ou bien à la III Section, où je ne me soucie pas de m'adresser. Si vous voyez Potapoff—donnez lui un exemplaire de vos fac-similes et priez le de ma part de faire faire une comparaison pour que j'en aie le coeur net.

Agréez, mon Prince, l'assurance de ma sincère considération et de mon parfait dévouement.

S. Sobolevsky.

P. S. Je sais que des mémoires (faux ou vrais) de la Princesse Dolgoroukow courent à S.-Petersbourg; des gens, qui les y ont lu m'en ont même communiqué quelques traits du contenu. Si vous les voyez—veuillez vous donner la peine de voir ce qu'on y dit sur l'affaire Pouschkine: c'est d'autant plus intéressant qu'elle a toujours prétendu (et elle le disait à qui voulait l'entendre) que son mari lui avait raconté être l'auteur de toute cette manigance. Je voudrais savoir aussi ce qui en est de l'appel que D. prétend avoir fait et du duel, qu'il vous a proposé; un de ces jours une lettre de lui à ce sujet a été

colportée à Moscou et je serais enchanté d'être à même d'y faire des commentaires.

7 février 1862.

Moscou.

(ПЕРЕВОД)

Князь, я имел удовольствие получить два ваших письма и две ваших посылки. Приехав в Москву, я нашел большинство (что я и предвидел) расположенным в пользу Д[олгорукова]; с тех пор, что я роздал несколько экземпляров, — люди умные отказались от своего мнения. Я не спешу раздавать «Процесс» ¹⁾ и вот почему: мой собственный дневник доказывает мне, что Д[олгоруков] находился здесь во время Коронации; но я доискиваюсь найти след этого в счетных книгах Английского Клуба; я боюсь, что если в «Процессе» увидят важность этой улики, то

¹⁾ См. выше, стр. 18, примеч. По поводу этого издания князя Воронцова Долгоруков выпустил еще брошюру (анонимную): «La vérité sur le procès du prince Pierre Dolgoroukow, par un Russe», Londres. 1862; см. «Русск. Стар.» 1905 г., № 6, стр. 556. Б. М.

сеиды Д[олгорукова] будут всячески препятствовать мне в этом ¹⁾).

Мне только что сказали, что Дантес - Геккерен хочет начать другое дело с Д[олгоруковым] и что он намеревается доказать, что именно Д[олгоруков] составил подлые анонимные письма, следствием которых была смерть моего друга Пушкина. Благоволите сообщить мне, дошло-ли до вашего сведения это намерение Дантеса и сообщите об этом во всех подробностях. Уже давно у меня была тысяча мелких поводов предполагать, что это жестокое дело исходило от Д[олгорукова]. Вам известно, что в свое время предполагали, что его совершил Гагарин, и что угрызения совести в этом поступке заставили последнего сделаться католиком и иезуитом ²⁾); вам известно

¹⁾ Адвокат Воронцова доказывал, что Долгоруков находился в Москве в августе 1856 г. и, следовательно, мог тогда привлечь князя Воронцова-отца к ответу за подозрение его в шантаже; князь же Долгоруков доказывал, что он не мог видеть князя после получения от него письма... Дневник С. А. Соболевского в печати неизвестен. *Б. М.*

²⁾ Ср. ниже в рассказе граф. Н. А. Меренберг, стр. 129.

также, что главнейший повод к такому предположению дала бумага, подобную которой, как утверждали, видали у Г[агарина]. С своей стороны я слишком люблю и уважаю Г[агарина], чтобы иметь на него хотя бы малейшее подозрение; впрочем, в прошедшем году я самым решительным образом расспрашивал его об этом; отвечая мне, он даже и не думал оправдывать в этом себя, уверенный в своей невинности; но, оправдывая Д[олгорукова] в этом деле, он рассказал мне о многих фактах, которые показались мне скорее доказывающими виновность этого последнего, чем что-либо другое. Во всяком случае оказывается, что Д[олгоруков] жил тогда вместе с Гагариным, что он прекрасно мог воспользоваться бумагою последнего, и что поэтому главнейшее основание направленных против него подозрений могло пасть на него, Гагарина.

Находясь в последний раз в Петербурге, я обращался ко многим лицам, которые в свое время получили циркулярное письмо ¹⁾ (NB. сам я находился тогда, к несчастью, в Париже). Я не нашел его нигде в подлиннике, так как эти

¹⁾ Т. е. анонимный пасквиль. *Б. М.*

лица его уничтожили; если подлинник и находится где-нибудь, то только у господ, мне неизвестных, или, вернее всего, в III Отделении, куда я не намерен обращаться. Если вы выдаете Потапова ¹⁾,—дайте ему один экземпляр ваших факсимиле и попросите его от моего имени приказать произвести сличение, — с тем, чтобы мне получить окончательное убеждение ²⁾.

Примите, князь, уверение в моем искреннем уважении и совершенной преданности.

С. Соболевский.

¹⁾ Управляющий III Отделением и Начальник Штаба Отдельного Корпуса Жандармов генерал Александр Львович Потапов. *Б. М.*

²⁾ При документах у Воронцова сохранилась следующая официальная справка, сделанная в III Отделении, — очевидно, по просьбе князя С. М. Воронцова и по распоряжению генерала Потапова: «Изъ дѣлъ 3-го Отдѣленія видно, что по смерти Александра Сергѣевича Пушкина, бумаги, находившіяся въ его кабинетѣ, разбираемы были Начальникомъ Штаба Корпуса Жандармовъ генераломъ Дубельтомъ и покойнымъ Василиемъ Андреевичемъ Жуковскимъ; всѣ онѣ, какъ относившіяся до литературныхъ трудовъ Пушкина, переданы были, по Высочайшему повелѣнію, Жуковскому. За тѣмъ, въ 3-мъ Отдѣленіи никакихъ бумагъ Пушкина не осталось, и не имѣется также

P. S. — Мне известно, что записки (подложные или настоящие) княгини Долгоруковой ¹⁾ ходят по Петербургу; люди, которые их там читали, даже сообщили мне некоторые черточки их содержания. Если вы их увидите, благоволите дать себе труд посмотреть, что в них говорится о деле Пушкина: это тем более интересно, что — княгиня всегда утверждала (и это говорила она всем), что ее муж ей сказывал, что он — автор всей этой интриги. Я хотел бы также знать, насколько верен слух о вызове, который, как утверждает Д[олгоруков], он сделал, и о дуэли, которую он вам предложил; на этих днях письмо его по этому

въ виду ничего такого, что отпосилось бы къ дуэли». Справка эта, как нам теперь известно, не соответствовала истине. *Б. М.*

¹⁾ Княгиня Ольга Дмитриевна Долгорукова, рожд. Давыдова, дочь знакомого Пушкина (см. Дневник Пушкина, изд. под нашей редакцией, Пгр. 1923, стр. 190—191), на которой князь Петр Владимирович женился 28-го мая 1846 г., родилась 25-го декабря 1824, ум. в г. Петровске (в Средней Азии) 31-го июля 1893 г. (см. Г. Власьев. Потомство Рюрика, т. I, ч. 3, стр. 171). Ее Записки в печати не появлялись и нам совершенно неизвестны.

Б. М.

поводу попало в Москву, и я был бы очень рад быть в состоянии сделать к нему комментарии.

7 февраля 1862.

Москва.

Итак, для Соболевского было несомненно, что автором всей интриги и составителем и распространителем анонимных пасквилей был не кто другой, как Долгоруков, — и нам кажется, что ни опровержение его самого ¹⁾, ни заступничество за него князя Гагарина ²⁾ и Герцена ³⁾ не в состоянии смыть с него налагаемого письмом Соболевского пятна⁴⁾: мнение Соболевского в этом вопросе чрезвычайно авторитетно, ибо он

¹⁾ См. перепечатку его в книге П. Е. Щеголева, стр. 417—418.

²⁾ Там же, стр. 421.

³⁾ В «Колоколе» 15 января 1862 г., № 119; ср. «Былое» 1907 г., № 3, стр. 173—174.

⁴⁾ Долгорукова же считал «в числе авторов возбудительных подметных писем» и другой очень близкий к Пушкину человек — граф Михаил Юрьевич Виельгорский («Русск. Арх.» 1872 г., кн. I, стр. 204), к которому был послан один из экземпляров анонимного пасквиля (воспроизведенного ныне в книге А. С. Полякова). Мнение

был одним из ближайших друзей Пушкина. Человек очень рассудительный и тонкий, а в то же время вполне уравновешенный и «деловой», к тому же не имевший, насколько нам известно, никаких личных счетов с Долгоруковым, Соболевский был самым ближайшим образом заинтересован в раскрытии истины и в отыскании настоящего виновника гибели «своего друга Пушкина». Неприглядная нравственная личность Долгорукова, различные некрасивые его проделки, ужасное обращение с женой, которую он бил самым жестоким образом,—были хорошо известны Собо-

Соболевского и Виельгорского разделялось также и П. П. Бартевым (знавшим мнение Соболевского, конечно, от него самого); Бартев считал оправдания Долгорукова и Гагарина «не вполне убедительными» несмотря и на возражения М. Н. Лягина (см. его неподписанную заметку в «Русск. Архиве» 1865 г., стр. 1503—1504). Позднее П. И. Бартев огласил рассказ графа В. Ф. Адлерберга о поведении Долгорукова за спиною Пушкина на одном балу незадолго до дуэли (Долгоруков за спиною Пушкина наставлял ему рога): рассказ этот лишний раз кидает большую тень подозрения на Долгорукова («Русск. Арх.» 1892 г., кн. II, стр. 489). Надо сказать, однако, что Долгоруков, повидимому, умел ценить Пушкина, как поэта; по крайней мере в своих «Mémoires» он упоминает его нередко с приба-

левскому, как и другим современникам князя. — Это все не мешало ему, однако, пользоваться в то же время вполне заслуженною репутациею весьма знающего историка и прекрасного генеалога, обогатившего науку своими известными трудами: «Российский Родословный Сборник» (1840—1841) и «Российская Родословная Книга» (1855—1857) ¹⁾. Соберем о нем несколько фактов и показаний современников: они помогут нам установить определенный взгляд на Долгорукова.

Еще в бытность свою воспитанником Пажеского Корпуса юный князь Долгоруков за какую то провинность, — вероятно серьезную в глазах

влением к нему слова «знаменитый», цитирует его стихи рассказывает о его роде и о нем самом; см. «Mémoires» т. I, Genève. 1867, р. 80 (стихи из «Медного Всадника») 129 (эпиграмма на Дондукова - Корсакова), 136 (о роде Пушкиных), 144 и 146 (тоже), 190 — 191 (анекдот о Пушкине; последний перепечатан в брошюре Е. А. Боброва: Заметки по истории Русской литературы и просвещения XIX века, Юрьев, стр. 169 — 170), 247 (о Ганнибалах и Пушкиных), 497 (ссылка на Дневник Пушкина)...

¹⁾ Отзыв о ней П. И. Бартенева — «Русск. Арх.» 1871 г., кн. II, стр. 1535 — 1536; два генеалогических письма его к Бартеневу, 1856 и 1857 г., — см. в «Русск. Арх.» 1912 г., кн. II, стр. 473 — 475; два письма к Погодину, 1857 г., — у Барсукова, т. XV, стр. 103, 111.

корпусного начальства, — был лишен звания камер-пажа, в которое был он произведен, как один из лучших по успехам пажей ¹⁾). Зная его с детства Е. П. Янькова говорит, что, «выросши, Петруша Долгоруков умный был человек, но очень резкий на язык; собой не хорош и прихрамывал»... ²⁾ В эпоху дуэли Пушкина Долгоруков, по свидетельству князя П. А. Вяземского, был в числе тех «молодых людей наглого разврата и охотников до любовных сплетен и всяческих интриг по этой части», которыми окружал себя старик барон Геккерен, приемный отец Дантеса ³⁾, и если Вяземский считал «еще недоказанным», что именно Долгоруков писал анонимные письма о Пушкине, то во всяком случае полагал, что он «был в состоянии сделать эту гнусность» ⁴⁾. В 1839 г. Долгоруков пользовался, при всем своем образовании и учености, репутациею «завистливого, мелочного, скупого и во-

1) О. фон-Фреймац, Пажи за 185 лет, Фридрихсгам. 1897 г., стр. 293 и 799.

2) Д. Благово, Рассказы бабушки, С.-Пб. 1885 г., стр. 209.

3) «Русск. Арх.» 1888 г., кн. II, стр. 312.

4) «Русск. Арх.» 1901 г., кн. III, стр. 255.

обще человека неприятного характера», — о чем свидетельствует князь А. В. Мещерский, сестре которого Долгоруков тогда делал предложение, но получил отказ ¹⁾. К тому же времени относится отзыв о Долгорукове другого его знакомого — очень правдивого и точного в своих показаниях графа М. Д. Бутурлина: он пишет, что современная великосветская «молодежь подсмеивалась над ним, особенно, помнится мне, по причине его скарденности; да и вообще меня поразила отчасти фамильярность, с каковою обходились с ним иные молодые люди и на которую он как бы не обращал внимания»; далее Бутурлин приводит рассказ о примере его скупости ²⁾. Благодушный Плетнев в 1841 году, по поводу книги Долгорукова о роде князей Долгоруких, называл князя «мальчишкой, очень довольным собой, но, подобно всем молоденьким гениям нашим, не имеющим понятия о точности и других совершенствах языка» ³⁾. Узнав о знаком-

1) «Русск. Арх.» 1900 г., кн. III, стр. 295.

2) «Русск. Арх.» 1901 г., кн. III, стр. 410.

3) Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым, т. I, стр. 247; в 1843 г. Н. А. Полевой отозвался о Долгорукове, как об «умном, любезном молодом человеке» — Записки Кс. Полевого, стр. 554.

стве Долгорукова с И. С. Аксаковым, Ю. Ф. Самарин писал в 1844 г. князю Д. А. Оболенскому, что предвидит, «сколько из этого выйдет драматических столкновений и смешных положений. Долгорукий», пишет он: «думает поселиться в Москве; он держит себя точно так, как держал себя Валенштейн в опале ¹⁾. Признаюсь тебе, что мысль, что я избавлюсь от его дружбы и частых посещений, одна утешает меня при отъезде из Москвы» ²⁾.

От времени эмигрантской жизни Долгорукова ³⁾ мы имеем также несколько отзывов о нем, но и они так же неблагоприятны, для него, как и приведенные выше... Так, напр., Н. А. Тучкова-Огарева, объясняющая причину эмиграции князя, на основании молвы, тем, «что Правительство не назначило его министром внутренних дел», при чем он «вознамеривался отомстить тем, которые навлекли на себя его гнев», — пишет по поводу первого посещения Герцена Долгоруковым: «Наружность его была непривлекательна, несимпатична; в больших

1) Намек на ссылку Долгорукова в Вятку.

2) «Русск. Арх.» 1880 г., кн. II, стр. 329.

3) Он эмигрировал в 1858 г.

карих глазах виднелись самолюбие и привычка повелевать; черты лица его были неправильны, князь был небольшого роста, дурно сложен и слегка прихрамывал, почему его прозвали: *le bancal*. Не помню, на ком он был женат, только жил постоянно врозь с женой и никогда о ней не говорил. Герцен не чувствовал к нему ни малейшего влечения, но принимал его очень учтиво и бывал у него изредка с Огаревым ¹⁾... Он был ужасно горяч и невоздержан на язык в минуты гнева, что впоследствии обходилось дорого его самолюбию: когда ему давали отпор на его выходки и удалялись от него, — скучая один, он кончал тем, что извинялся и желал только, чтоб его простили... Каждое неточное исполнение его желаний приводило князя в неопределенную ярость» ²⁾. К 1862 году относится

¹⁾ Значительное количество писем Герцена к Долгорукову за 1860 — 1861 гг. см. в Сочинениях Герцена под ред. М. К. Лемке, т. X и XI (в т. X, на стр. 276—288, заметка о Долгорукове, а на стр. 300 — 301 — статья Герцена о книге Долгорукова «*La vérité sur la Russie*»; в т. XVI, на стр. 65 — заметка Герцена о Долгорукове, 1863 г.). Ср.—Воспоминания Т. П. Пассек, т. III, стр. 164, 178 и 179.

²⁾ «Русск. Стар.» 1894 г., № 10, стр. 34 — 35.

столкновение Долгорукова с К. Д. Кавелиным, по поводу брошюры которого «Дворянство и освобождение крестьян» князь напечатал в № 3 своей газеты «Правдивый» довольно резкую заметку ¹⁾, а в 1865 г. — с А. В. Головинным, бывшим Министром Народного Просвещения: Головинн встретился с Долгоруковым в Интерлакене и на поклон князя «отвечал неудовлетворительно, — и тогда Долгоруков публично разругал его самыми последними словами и потом напечатал письмо с весьма компрометирующими подробностями для Головина из его прежних отношений к нему и с обещанием опубликовать его письма. От Долгорукова это можно ожидать», — прибавляет М. М. Стасюлевич, сообщающий об эпизоде П. А. Плетневу ²⁾... К следующему, 1866 г. относится ссора Долгорукова в Женеве с престарелым декабристом А. В. Поджио, который разбранил князя за его некролог декабриста Волконского: в нем Долгоруков, из личных счетов, наговорил много неправды, будто бы

¹⁾ См. Невский Альманах, вып. 2, «Из прошлого», Пгр. 1917, стр. 62 и 67.

²⁾ Стасюлевич и его современники, т. I, стр. 226.

со слов Волконского, — и это оскорбило правдивого и горячего Поджио, который и ранее не доверял «ни искренности политического фронтёрства Долгорукова, ни даже порядочности его нравственных правил». Передающий об этом д-р Н. А. Белоголовый также с антипатией говорит о Долгорукове ¹⁾... Он не нравился ни единомышленникам, как Поджио, ни таким людям, как уже упомянутый поэт князь П. А. Вяземский, который в 1866 г. написал на Долгорукова стихи по поводу несимпатичной ему заграничной политическо-публицистической деятельности князя; в них он говорит, что Долгоруков

в одиночку

Пошел с клячкой на извоз:
Он в полночь сваливает в бочку
Чужой и собственный навоз, —
А паче собственный! Богато
Господь им наделил его,
И раздает он таровато
Нагар желудка своего.

¹⁾ Н. А. Белоголовый, Воспоминания, изд. 3, стр. 114 и 121 — 126.

С своей клячкой колченогой¹⁾
В журнальном деле он профёс,
И, где с ним встретишься дорогой,
Там крепче зажимаешь нос²⁾.

Наконец, следует упомянуть еще о столкновениях Долгорукова с Тургеневым: в 1862 году в «Правдивом» князь, без ведома Тургенева, поместил извещение о том, что издатель Основский «обокрал нашего знаменитого писателя»,— и этим принудил деликатного Тургенёва выступить с опровержением в «Колоколе» Герцена (1862 г., № 134)³⁾, а в 1867 г., в своих «Mémoires» (t. I, Genève, 1867, p. 336) рассказал о том, как Тургенев в мае 1865 г., в Баден-Бадене, не отдал визита Долгорукову и избегал его, хотя ранее был с ним в наилучших отношениях; при этом он рассказал про Тургенева, как тот некогда, при пожаре парохода, кричал, чтобы его спасли, так как-де он «единственный сын у матери»; в заключение Долгоруков гово-

1) Намек на хромоту Долгорукова.

2) Сочинения, т. XII, стр. 247.

3) См. «Ист. Вестн.» 1897 г., № 7, стр. 99—101; «Русские Проплеи» М. О. Гершензона, кн. III, стр. 156, 319—320.

рил, что если Тургенев и трое других оговоренных им тут же русских будут на него жаловаться в суд, то он расскажет публично все, о чем они с ним говорили, и ни о чем не умолчит... Эта нелепая и некрасивая выходка Долгорукова (она была передана и в фельетоне Суворина в «Петербургских Ведомостях» и таким образом стала известна широким кругам в России) вызвала письмо Тургенева в «Петербургские же Ведомости», в котором писатель отрицал рассказанный Долгоруковым факт и выражал «раскаяние в том, что вообще вступил в знакомство с князем П. В. Долгоруковым»¹⁾...

Итак, — до нас дошли только отрицательные отзывы и суждения, только такие краски, которые рисуют портрет Долгорукова в крайне непривлекательном виде²⁾... Поэтому становится

¹⁾ Первое собрание писем Тургенева, стр. 138—193; «Русские Пропилеи», т. III, стр. 175 — 176 и 323. Еще в конце 1861 г., по поводу исхода процесса Долгорукова, Тургенев (в письме к П. В. Анненкову) высказывался с некоторым сочувствием к князю: «Стасюлевич и его современники», т. III, стр. 482.

²⁾ Близкий к князю С. М. Воронцову д-р Э. С. Андреевский писал в 1861 г. о Долгорукове, как обличителе и журналисте, сравнивая его с Герценом и Огаревым:

не страшно высказать убеждение, что человек с такими нравственными правилами, действительно, как сказал Вяземский, мог заняться рассылкою анонимных пасквилей на Пушкина ¹⁾ и толкнуть его на смертный поединок. Для полноты картины, нами нарисованной на основании отзывов современников, приведем еще два письма к князю С. М. Воронцову: Петербургского

«Долгоруков только вторит то, что всякому, как истина или как сплетня, более или менее известно, приукрашивая свой рассказ бранными словами. Долгоруков должен быть очень чванливый, жаждущий популярности... Долгоруков — представитель крамольного холопства, отчужденного за дурное поведение от великих милостей» (Из архива К. Э. Андреевского. Записки Э. С. Андреевского. Том I. Под редакцией, с предисловием и примечаниями С. Л. Авалиани, Одесса. 1913 г., стр. 236-237).

¹⁾ В своих «Mémoires» (т. I, р. 162, примеч.) Долгоруков с удовольствием рассказывает о другом, более раннем анонимном же пасквили (на французском же языке), разосланном «шутпиками» по всему Петербургу от имени матери В. В. Левашева (впоследствии графа) по случаю женитьбы этого ее сына, рожденного ею вне брака с его отцом: «Девушка Акулина Семеновна имеет честь сообщить о свадьбе своего сына генерал-адъютанта Левашева с девицею Екатериною Мятлевою».

типографа Э. И. Веймара ¹⁾ и академика и профессора А. В. Никитенка; эти документы дадут нам новый, любопытный факт из биографии Долгорукова, хорошо обрисовывающий его нравственный облик.

Милостивый Государь

Свѣтлѣйшій князь Семень Михайловичъ!

Узнавъ изъ газетъ о процессѣ, который Ваша Свѣтлость вели въ Парижѣ съ (бывшимъ) Кня-

¹⁾ Известная в свое время типография Эдуарда Ивановича Веймара помещалась в его доме на Невском просп., № 10. Младший сын Веймара, врач Орест Эдуардович Веймар, был замешан в дело об убийстве шефа жандармов Н. В. Мезендова (1878), сослан в Сибирь в 1880 году и умер от чахотки в 1886 году (Вл. Бурцев. За сто лет, изд. 1897 г., по указ.). Известный пушкиновед П. О. Морозов, как сообщила нам вдова его, Настасья Юрьевна Морозова, рожд. Ярошенко, передавал ей, со слов сыновей Э. И. Веймара—Ореста и Эдуарда,—что отец их до старости не мог забыть об обиде, нанесенной ему Долгоруковым, и нередко о ней рассказывал.

земь Петромъ Владиміровичемъ Долгоруковымъ, для оправданія покойнаго вашего родителя отъ нареканій, взведенныхъ на него симъ господиномъ, принимаю смѣлость изложить предъ Вашею Свѣтлостью поступокъ онаго Долгорукова со мною, нижеподписавшимся, поступокъ, который, выставивъ душевныя свойства Долгорукова въ истинномъ ихъ свѣтѣ, подкрѣпитъ еще доводы краснорѣчиваго адвоката, защищавшаго правое ваше дѣло.

Не безъизвѣстно Вашей Свѣтлости, что Долгоруковъ въ 1854 — 1857 годахъ издалъ въ С.-Петербургѣ сочиненіе свое подъ заглавіемъ: Россійская Родословная Книга. Первая часть ся напечатана въ типографіи Карла Вингебера, вторая и третья въ моей типографіи; четвертая въ типографіи III Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. За напечатаніе и бумагу второй части уплатилъ онъ мнѣ все сполна.—2-го Марта 1856 года, кончивъ печатаніе третьей части, принесъ я къ нему на квартиру его (на Владимірскомъ проспектѣ, насупротивъ церкви Владимірской Божіей Матери, въ домѣ Барона Фредерикса) и подалъ ему счетъ за напечатаніе этого третьяго тома, со-

ставлявшій 650 руб. сер. Онъ вскинулся на меня, выговаривая, что нѣсколько экземпляровъ этого тома запачканы. Я отвѣчалъ ему, что изъ типографіи выданы листы чистые, и что они, вѣроятно, запачканы переплетчикомъ.

«Распишитесь въ полученіи денегъ», сказалъ онъ. Я расписался. Онъ взялъ счетъ, пошелъ въ свой кабинетъ, будто за деньгами, чрезъ нѣсколько минутъ воротился и спросилъ у меня: «Чего вы еще ждете?» — «Какъ чего, Ваше Сіятельство, моихъ денегъ!» — «Да вы ихъ получили и расписались». — «Вы изволите шутить?» сказалъ я: «росписаться я росписался, а денегъ вы мнѣ не давали». — Тутъ началъ онъ бранить меня самыми поносными словами, призвалъ своего лакея и приказалъ ему выпроводить меня. «Но», промолвилъ: «безъ оскорбленія». Я вышелъ отъ него, не помня себя, на улицѣ за воротами встрѣтился съ Профессоромъ Дѣйствительнымъ Статскимъ Совѣтникомъ Никитенкомъ, жившимъ въ томъ же домѣ, и на вопросъ его: отчего я въ такомъ волненіи, рассказалъ я ему, что со мною случилось. По совѣту его, я отправился прямо

въ III-е Отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи и изустно объявилъ о случившемся со мною.—Вслѣдствіе этого былъ посланъ чиновникъ къ Долгорукову для узнанія въ точности дѣла. Долгоруковъ, предъявивъ мою росписку, отозвался, что отдамъ мнѣ деньги сполна. Съ меня требовали форменной записки, которую я и представилъ. Ее хотѣли отправить, для произведенія слѣдствія, къ Г. Военному Генералъ-Губернатору. Видя, что у меня начинается процессъ съ человѣкомъ сильнымъ и знатнымъ, какимъ я считалъ Долгорукова, и не имѣя въ этомъ дѣлѣ очныхъ свидѣтелей, я утрашился до того, что слегъ въ постель, и жена моя отправилась въ III Отдѣленіе, выпросила обратно выдать записку, для прекращенія моего иска, хотя мнѣ и тяжело было, при моемъ недостаточномъ состояніи, лишиться значительной суммы, заслуженной моими трудами.

Простите меня великодушно, Ваша Свѣтлость, что я обезпокоилъ Васъ симъ письмомъ. Я имѣлъ въ немъ дѣлю къ доводамъ (о лживыхъ и подлыхъ поступкахъ Долгорукова), подробно и добросовѣстно изложеннымъ Вашимъ адвокатомъ,

присовокупить рассказъ и о его поступкѣ со мною.

Съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ честь имѣю пребыть

Милостивый Государь
Вашей Свѣтлости

Всенижайшимъ слугою Эдуардъ Веймаръ.

8 февраля 1862 г.
С.-Петербургъ.

В бумагахъ князя Воронцова сохранилась и упоминаемая жалоба Веймара в III Отделение в 1856 году, взятая им затемъ обратно во избежание неприятностей «отъ человека сильного и знатного», какимъ онъ считалъ Долгорукова. Вотъ текстъ этой жалобы ¹⁾:

Его Сіятельству
Господину Генералъ Адъютанту
Графу Алексѣю Фёдоровичу Орлову.

Личного Почетнаго Гражданина,
Прускаго подданнаго, содержателя
типографіи Эдуарда Веймара

П Р О Ш Е Н І Е.

Князь Петръ Владиміровичъ Долгорукій отдалъ мнѣ напечатать 2-ю и 3-ю части Россій-

¹⁾ На ней пометы Канцелярии III Отделения; № 985-556 и 6 марта 1856 г.

ской Родословной Книги; за вторую часть, прежде отпечатанную, я всю сумму по условію получилъ сполна.—По доставленію мною, 2-го сего Марта, счета за напечатаніе 3-й части, за переплетъ и за бумагу, всего на сумму 650 руб. сер., Князь, позвавъ меня въ кабинетъ, сказалъ: «распишитесь, я сей часъ вамъ принесу деньги»; когда я оное исполнилъ и оба счета оставилъ на столѣ, то онъ, возвратясь въ кабинетъ, велѣлъ показать челоуѣку, изъ числа доставленныхъ мною, 5 или 6 экземпляровъ, немного запачканныхъ переплетчикомъ, и въ то время сталъ меня бранить «мошенникомъ и плутомъ», присовокупивъ: «ты расписался, получай деньги, гдѣ знаешь, проси на меня». — Когда я сталъ просить о выдачѣ мнѣ слѣдующихъ по счету денегъ, то онъ приказалъ челоуѣку, который былъ во все это время, меня вывести.

Прибѣгая къ покровительству Вашего Сіятельства, имѣю честь покорнѣйше просить Ваше Сіятельство оказать защиту въ настоящемъ дѣлѣ и о понужденіи Князя къ уплатѣ мнѣ слѣдующихъ по счету 650-ти руб. серебромъ.

Эдуардъ Веймаръ.

3-го Марта 1856 года.

Жительство Князя П. В. Долгорукова: противъ Владимірской, въ домѣ Фридерикса.—Жительство мое противъ Исакія и Конногвардейскаго манежа, въ домѣ Бремме.

Такъ какъ Веймар ссылался в письмѣ своемъ к Воронцову на встречу с А. В. Никитенкомъ, то князь Семен Михайловичъ обратился к последнему с письмомъ от 7 апреля 1862 г. (из Петербурга) ¹⁾, в которомъ просилъ подтвердить рассказъ Веймара. Черезъ день, письмомъ от 9 апреля 1862 г., Никитенко отвѣчалъ Воронцову следующее:

Милостивый Государь

Князь Семенъ Михайловичъ.

Ваша Свѣтлость препроводивъ ко мнѣ [писанное] на Ваше имя письмо здѣшняго типографщика Веймара отъ 8-го февраля сего года о поступкѣ съ нимъ находящагося нынѣ за границей Князя Долгорукова, изволите меня спрашивать: 1) дѣйствительно-ли встрѣтился со мною Веймаръ сей часъ послѣ случившагося съ нимъ приключенія? 2) былъ ли онъ дѣйствительно

¹⁾ Письмо это хранится в Пушкинском Домѣ, в архивѣ А. В. Никитенка.

въ сильномъ волненіи, когда рассказывалъ мнѣ оное, и 3) согласенъ ли изустный рассказъ Веймара съ тѣмъ, что написано имъ въ письмѣ? На вопросы эти честь имѣю отвѣтствовать, на первый: описанная Веймаромъ встрѣча со мною на улицѣ дѣйствительно произошла, только года, когда именно, я не помню¹⁾ и точно ли сей часъ послѣ рассказаннаго имъ случая, мнѣ неизвѣстно. На второй: онъ показался мнѣ дѣйствительно весьма разстроеннымъ, и когда я обратился къ нему съ вопросомъ о причинѣ этого, то онъ рассказалъ мнѣ случившееся съ нимъ у Князя Долгорукова и рассказъ его носилъ на себѣ всѣ признаки недавняго произшествія. На третій: обстоятельства, описанныя Веймаромъ въ письмѣ его къ Вамъ, сколько могу припомнить, сходны съ тѣми, какіе онъ передавалъ мнѣ изустно.

Само собою разумѣется, что о достовѣрности изложеннаго Веймаромъ самаго факта я свидѣтельствовать не могу.

¹⁾ Ни факта встречи с Веймаром на улице 2-го марта 1856 г., ни получения письма от князя Воронцова, ни ответа на него 9-го апреля 1862 г. Никитенко в своем известном Дневнике не отметил.

Возвращая при семъ доставленное мнѣ Вашею Свѣтлостію письмо Веймара, съ искреннимъ уваженіемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть

Вашей Свѣтлости

покорнѣйшимъ слугою

Александръ Никитенко.

Апрѣля 9 дня
1862.

С.-Петербургъ.

Рассказ Веймара звучит настолько искренно, что мы не можем сомневаться в его полной правдивости, и уклончивое и осторожное письмо Никитенка, в сущности, подтверждает сообщаемый им факт. А факт этот кладет последний штрих и окончательно дорисовывает нравственный облик Долгорукова...

В приложении к настоящей книжке мы печатаем запись беседы М. И. Семева с младшею дочерью Пушкина, графиней Н. А. Меренберг: из беседы этой видно, что вдова поэта автором пасквилей всегда считала князя Долгорукова.

Итак, именно на Долгорукова, по совокупности данных, ложится подозрение, подкрепляемое ныне убеждением Соболевского, — и пока не будет документально доказано, что пасквили писал и рассылал кто-либо другой, — именно Долгоруков должен считаться автором гнусной интриги, положившей предел цветению светлого гения Пушкина...

Б. Модзалевский.

Ю. Г. ОКСАН

АНОКРИФИЧЕСКОЕ ПИСЬМО
ИМПЕРАТОРА ИИБОЛАН
К ПУШКИНУ

1. Возникновение легенды.

Одним из определяющих моментов патетической реплики В. А. Жуковского о последних днях жизни Пушкина являлось, как известно, предсмертное обращение поэта к церкви и к престолу, при чем и трогательное исполнение христианского долга, и восторженное изъявление преданности монарху оказывалось тесно связанным с получением умирающим, через доктора Арендта, в ночь с 27-го на 28-ое января, нескольких собственноручных строк императора Николая: «Около полуночи — свидетельствовал В. А. Жуковский — приезжает за Арендтом от государя фельдъегерь с повелением немедленно ехать к Пушкину, прочитав ему письмо, собственноручно государем к нему написанное, и тотчас обо всем донести. «Я не лягу, я буду ждать», стояло в записке государя к Арендту. Письмо же приказано было возвратить. И что же стояло

в этом письме? «Если Бог не велит нам более увидеться, прими мое прощенье, а с ним и мой совет: кончить жизнь христиански. О жене и детях не беспокойся, я их беру на свое попечение»... Когда Арендт прочел Пушкину письмо государя, то он вместо ответа, поцеловал его и долго не выпускал из рук; но Арендт не мог его оставить еще. Несколько раз Пушкин повторял: «Отдайте мне это письмо, я хочу умереть с ним. Письмо! Где письмо?» Арендт успокоил его обещанием испросить на это позволение государя».

Поверяя рассказ В. А. Жуковского в его только что приведенной черновой начальной редакции свидетельствами об этом же эпизоде прочих очевидцев кончины Пушкина и отметив в итоге ряд существеннейших и, казалось, неустранимых противоречий, П. Е. Щеголев ¹⁾ должен был признать, что вся история царского обращения к Пушкину остается «очень загадочной», и установить ныне совершенно невозможно ни всех обстоятельств получения, ни оснований вынужденного возвращения, ни, наконец, самого

¹⁾ П. Е. Щеголев. «Дуэль и Смерть Пушкина» Исследование и материалы», стр. 12 — 17.

факта существования «собственноручной» записки, текст которой по разному передавался не только каждым из сообщавших о ней, но характерно варьировался даже под пером одного и того же свидетеля последних дней поэта.

Черновики В. А. Жуковского, например, прямо изобличают, что сообщаемый им текст царского послания есть не буквальное воспроизведение документа, а продукт явной творческой работы, впоследствии,—что особенно необходимо учесть,—самим автором как бы изъятый из обращения. Так, печатая свое письмо в пятой книге «Современника», он весь вышеприведенный эпизод передал уже следующим образом: «В полночь доктор Арендт возвратился. То, что от него услышал умирающий, обрадовало, успокоило и укрепило его душу. Исполняя желание, уже угаданное, в котором выражалась трогательная заботливость о его судьбе и за гробом, он исповедался и причастился св. тайн» ¹⁾).

Эта же версия устного обращения монарха к поэту через доктора Арендта сохранена и самым

¹⁾ «Последние минуты Пушкина» — «Современник» 1837, кн. V, стр. VII.

ранним из дошедших до нас свидетельств о последних днях Пушкина — утренним письмом А. И. Тургенева к А. И. Нефедьевой от 28-го января: «Пушкин сам сказал доктору, что он надеется прожить дня два, просил Арендта съездить к государю и попросить у него прощения секунданту Данзасу, коего подхватил он на дороге, — и себе самому; государь прислал к нему Арендта сказать, что если он исповедуется и причастится, то ему это будет очень приятно и что он простит его. Пушкин обрадовался, послал за священником и он приобщился после исповеди... Государь велел сказать ему, что он не оставит жены и детей его; это его обрадовало и успокоило» («Пушкин и его современники», вып. VI, стр. 50). Если, наконец, мы обратимся к таким авторитетным свидетельствам о последних днях поэта, как записки дежуривших при нем врачей, то в одной из них — В. И. Даля — мы не найдем обо всем этом эпизоде никаких упоминаний, а в другой — И. Т. Спасского — встретим подтверждение ранней версии об устном обращении императора к умирающему через доктора Арендта: «Приезда Арендта он ожидал с нетерпением. Жду слова от царя, чтобы умереть спокойно, промолвил он.

Наконец, доктор Арендт приехал. Его приезд, его слова оживили умирающего» ¹⁾).

Хронологически первым известием о письменном прощении, обещаниях и вместе с тем определенном воздействии на волю умирающего со стороны императора Николая является письмо А. И. Тургенева от 29-го января, набросанное за четыре часа до кончины поэта: «Государь прислал к нему вчера же Арендта с письмом, писанным карандашом, которое велел прочесть Пушкину и привезти к себе назад; вот à peu près выражения письма: «Есть ли Бог не велит уже нам увидаться на этом свете, то прими мое прощение и совет умереть по христиански и причаститься, а о жене и детях не беспокойся. Они будут моими детьми и я беру их на свое попечение» ²⁾).

В этой же редакции эпизод с письмом сообщен был Тургеневым 31-го января и брату за границу. «В первый день Дуэля послал он к государю доктора Арендта просить за себя и за его секунданта Данзаса прощения. Государь написал карандашом записку след. содержания à peu près

¹⁾ «Последние дни А. С. Пушкина. Рассказ очевидца» (Запись датирована «2 февраля 1837»).

²⁾ «Пушкин и его современники», вып. VI, стр. 53.

и велел Арендту прочесть ему записку и возвратить себе: Есть ли Бог не приведет нам свидеться на этом свете, то прими мое прощение и совет исполнить долг христ[ианский]. Исповедайся и причастись, а о жене и детях (у него два мальчика и две дочери) не беспокойся: они будут моими детьми и я беру их на свое попечение» ¹⁾.

Очень близко к этой же редакции широко распространенное друзьями Пушкина письмо князя П. А. Вяземского к А. Я. Булгакову от 5-го февраля 1837 г. «Ночью возвратился к нему Арендт и привез ему для прочтения собственноручную карандашом написанную государем записку, почти в таких словах: «Если Бог не приведет нам свидеться в здешнем свете, посылаю тебе мое прощение и последний совет: умереть христианном. О жене и детях не беспокойся: я беру их на свои руки». Пушкин был чрезвычайно тронут этими словами и убедительно просил Арендта оставить ему эту записку: но государь велел ее прочесть ему и немедленно возвратить» ²⁾.

¹⁾ Ор. cit., стр. 59.

²⁾ «Русск. Архив» 1879, кн. II, стр. 244.

Во всех этих свидетельствах (определим их, как версию вторую) моментом объединяющим является не только общая ссылка на содержание, а не на текст письма («à peu près», «почти в таких словах»), но и характерное отсутствие прямого обозначения самого его адресата: последним мог быть, конечно, и Пушкин (но тогда представлялось бы необъяснимым, почему друзья поэта, отмечающие каждый знак внимания к нему Николая, не только не подчеркнули, но даже не указали этого), мог быть, судя по контексту, и Арендт, прочитавший из письма к нему Николая (вероятно, ответа на просьбу Пушкина) относящиеся к умирающему строки.

Приведенная нами в самом начале черновая редакция свидетельства В. А. Жуковского может быть определена, как отзвук третьей версии рассказа о письме императора Николая. В ней мы находим и прямое обозначение адресата («Около полуночи приезжает за Арендтом от государя фельдъегерь с повелением немедленно ехать к Пушкину, прочитать ему письмо, собственноручно государем к нему написанное, и тотчас обо всем донести») и как бы непосредственную цитацию самого письма

«И что же стояло в этом письме? Если Бог не велит» и т. д.).

Как известно, именно эта версия, вытеснив, в силу своих художественных достоинств, внешней обстоятельности и кажущейся авторитетности, обе предыдущие, получила наибольшее распространение ¹⁾ и, характерно модифицируясь в устной передаче, свидетельства о милостивых строках Николая к Пушкину подчас даже преображала в переписку между ними. Так, А. Ф. Воейков, сообщая 4-го февраля 1837 г. А. Я. Стороженку о последствиях дуэли, свидетельствовал, что Пушкин, привезенный после ранения домой, тотчас «написал письмо к императору, от которого получил следующие бессмертные строки... Вот они почти слово в слово: Любезнейший Александр Сергеевич! Если нам не суждено в сей жизни с тобой видеться, то прими мое прощение и совет: призови духовника и кончи

¹⁾ Эпистолярные отклики на смерть Пушкина зарегистрированы в перечне Б. Л. Модзалевского («Пушк. и его соврем.», вып. VI, стр. 98—100); несколько дополнений к нему сделал Н. О. Лернер («Минувшие Годы» 1908, кн. VIII, стр. 314).

дни свои, как истинный христианин. О жене и детях не огорчайся: я буду отец им» 1).

Определив, таким образом, три основных версии свидетельств об обращении императора Николая к Пушкину, мы в наиболее ныне известной и восходящей к последней из них — полной белой редакции письма В. А. Жуковского — должны с особым вниманием отнестись к показанию, значение которого осталось совершенно не учтенным П. Е. Щеголевым в его мастерском общем разборе данных этого исторического источника 2).

И действительно, сопоставление трех редакций рассказа В. А. Жуковского о царском воздействии на умирающего выявляет в первой из них определенное раздвоение свидетельства о письменном обращении императора Николая — на «письмо» к Пушкину и «записку» к Арендту, при чем нельзя не отметить, что противопоставление это характерно сглаживается уже при исправлении черновика и вовсе исчезает при его переписке.

1) «Пушкин и его современники», вып. VI, стр. 109.

2) Ср. «Рус. Арх.» 1864, стр. 48—54, п П. Е. Щеголев, *op. cit.*, стр. 5—8.

Черновая редак-
ция ¹⁾).

Около полуночи при-
езжает за Арендтом от
государя фельдъегерь
с повелением немед-
ленно ехать к Пуш-
кину, прочитав ему
письмо, собственноруч-
но государем к нему
написанное, и тотчас
обо всем донести. Я не
лягу, я буду ждать, сто-
яло в записке государя к
Арендту. Письмо же при-
казано было возвратить.
И что же стояло в этом
письме? «Если Бог не ве-
лит нам более увидеться,
прими мое прощенье,
а с ним и мой совет:

Беловая редак-
ция ²⁾).

Около полуночи при-
езжает за Арендтом от
государя фельдъегерь
с повелением немед-
ленно ехать к Пушкину,
прочитав ему письмо,
собственноручно госу-
дарем к нему написан-
ное, и тотчас обо всем
донести. Я не лягу, я
буду ждать, писал госу-
дарь к Арендту. Письмо
же приказано было воз-
вратить. И что же
стояло в этом письме?
«Если Бог не велит нам
более увидеться, посы-
лаю тебе мое прощенье,
и вместе мой совет:

¹⁾ Текст черновой редакции письма В. А. Жуковского воспроизведен П. Е. Щеголевым по списку, сохранившемуся в собрании А. Ф. Онегина (op. cit., стр. 7, 36).

²⁾ Op. cit., стр. 36.

кончить жизнь хри- исполнить долг хри-
стиански. О жене и стианский. О жене и
детях не беспокойся, я детях не беспокойся, я
их беру на свое попе- их беру на свое попе-
чение». чение».

Итак, судя по окончательной редакции В. А. Жуковского, фельдъегерем привезено было от государя письмо, одна часть которого относилась к Пушкину, а другая заключала прямое обращение к Арендту. Кто же из них был фактически адресатом?

Если черновики В. А. Жуковского с достаточной ясностью вскрывают всю произвольность его цитации собственноручных строк царского письма, которое, как доказал П. Е. Щеголев, не только никогда не было доступно никому из близких Пушкину, но даже по слуху стало известно им лишь некоторое время спустя после своего исчезновения, то никаких сомнений не вызывает и по всем версиям оказывается одинаковой роль доктора Арендта, как посредника между Николаем и Пушкиным в ночь с 27-го на 28-е января и, следовательно, как первоисточника всех свидетельств о волеизъявлении монарха.

В самом деле, как известно со слов К. К. Данзаса, подтверждаемых письмами князя П. А. Вяземского и А. И. Тургенева, лейб-медик Арендт, покидая вечером 27-го января раненого поэта, предупредил его, что «по обязанности своей он должен доложить обо всем случившемся государю. Пушкин ничего не возразил против этого, но поручил только Арендту просить от его имени государя не преследовать его секунданта»¹⁾. Как свидетельствует В. А. Жуковский в полной белой редакции своего «письма», Арендт, покинув Пушкина, «отправился во дворец, но не застал государя, который был в театре, и сказал камердинеру, чтобы по возвращении его величества было донесено ему о случившемся. Около полуночи приезжает за Арендтом от государя фельдъегерь с повелением немедленно ехать к Пушкину, прочитав ему письмо, собственно-

¹⁾ «Последние дни жизни и кончины А. С. Пушкина. Со слов бывшего его лицейского товарища и секунданта К. К. Данзаса». Изд. Я. А. Исакова, С.-Пб., 1863, стр. 30. Кн. П. А. Вяземский, В. А. Жуковский и А. И. Тургенев несколько расширяют просьбу Пушкина: «Прошу у него прощения за себя и за Данзаса». Ср. П. Е. Щеголев, *op. cit.*, стр. 33.

ручно государем к нему написанное, и тотчас обо всем донести. Я не лягу, я буду ждать, писал государь к Арендту. Письмо же приказано было возвратить».

Не подлежит сомнению, что вся эта часть рассказа В. А. Жуковского может восходить как к первоисточнику, лишь к показанию самого Арендта, и неоспоримый факт письменного обращения именно к нему императора Николая (версия устного обращения Николая к Пушкину через доктора Арендта должна отпасть в виду того, что свидание последнего с императором не состоялось) позволяет сделать вполне определенное заключение: строки, относящиеся к Пушкину, могли найти место только в отмеченном В. А. Жуковским письме государя к Арендту,—письме, очевидно, представлявшем собой ответ на известное нам его представление (через камердинера) о последствиях дуэли и желаниях умирающего. Вот почему письмо не было оставлено Пушкину, а тотчас после прочтения Арендтом относящихся к поэту успокоительных строк, ночью же было им увезено и, возможно, возвращено Николаю. Последнее обстоятельство, о котором упоминают едва ли не

все свидетельствующие о письме, не должно представляться особенно странным: в своих заботах о «христианской» кончине официально состоящего при дворе поэта, император Николай, по самым воззрениям своим, не мог упустить из виду некоторого формального неудобства своего обращения к тому, кто умирал от раны, полученной на «преступном поединке», кто, в силу закона, должен был предстать пред военным судом. Соображения эти, оказавшиеся, вероятно, решающими при отказе императора от непосредственного обращения к умирающему, не могут не быть учтены и при уяснении оснований возможного изъятия из рук Арендта посланного ему через фельдъегеря письма ¹⁾). Обычный посредник между монархом и поэтом — шеф жандармов граф Бенкендорф — был заменен в ночь на 28-е января лейб-медиком Арендтом, миссия которого, преломившись в трех выявленных выше версиях об обращении Николая к умирающему, последним рефлексом своим имела появление апокри-

¹⁾ «Совершенно непонятно», — замечает П. Е. Щеголев, — «почему Арендту было приказано не оставлять записки Пушкину, а только прочесть и вернуть обратно». (op. cit., стр. 12).

фического царского послания в Пушкинской «переписке» ¹⁾).

Итак, наше заключение, сводящееся к тому, что волеизъявление императора Николая в ночь с 27-го на 28-е января последовало в письменной форме, но нашло себе выражение не в непосредственном обращении к поэту, а в записке к доктору Арендту, — позволяет восстановить в его исторической значимости, не оставляя уже никаких недоумений, один из наиболее затемненных в ближайшей же передаче моментов угасания Пушкина.

2. Закрепление легенды в печати.

В. А. Жуковский, публикуя в пятом томе «Современника» за 1837 год свое повествование

¹⁾ Ср. Сочинения Пушкина. Изд. Академии Наук. Переписка под ред. и с примеч. В. И. Саптова, т. III, С.-Пб. 1911, стр. 452. Без всяких оговорок введя в это издание апокрифическое письмо императора Николая к Пушкину, редактор его остановился на самом произвольном «текстовом» варианте с личным обращением: «Любезный друг Александр Сергеевич, если не суждено нам видеться на этом свете, прими мой последний совет: старайся умереть христианином. О жене и детях не беспокойся, я беру их на свое попечение».

о «Последних минутах Пушкина», отказался, как известно, от воспроизведения в печати всего эпизода с письмом императора Николая и, не выходя из границ бывшего у него фактического материала, отметил лишь следующее: «В полночь доктор Арендт возвратился. То, что от него услышал умирающий, обрадовало, успокоило и укрепило его душу. Исполняя желание, уже угаданное, в котором выражалась трогательная заботливость о его судьбе и за гробом, он исповедался и причастился св. таин». Эти лаконические строки являлись в течение многих лет единственным закрепленным в печати свидетельством о предсмертном «утешении» поэта, и хотя в большом свете и в столичных литературных кругах получили весьма широкое распространение письма близких Пушкину лиц, с их тенденциозной трактовкой «подробностей» его трагического конца, слух об обращении к Пушкину императора Николая оставался официально не подтвержденным. Впервые материал «Современника» был расшифрован в печати Д. Н. Бантышем-Каменским, который в биографии Пушкина, включенной им в приключение ко второй части «Словаря достопамят-

ных Людей Русской Земли» ¹⁾), эпизод с письмом передал следующим образом: «В полночь доктор Арендт возвратился с следующей собственноручною запискою государя императора к Пушкину: «Если бог не приведет нам свидеться в здешнем свете, посылаю тебе мое прощение и последний совет: умереть христианином. О жене и детях не беспокойся: я беру их на свои руки». Тронутый до глубины сердца отеческим попечением монарха, Пушкин убедительно просил Арендта оставить ему эту записку; но государь велел ее только прочесть и немедленно возвратить. «Скажите государю,— произнес тогда Пушкин Арендту,— что жалею о потере жизни, потому, что не могу изъявить ему моей благодарности, что я был бы весь его».

Как доказывает произведенное нами сравнение текстов, строки письма Николая и ответные слова Пушкина были дословно заимствованы для «Словаря» из письма князя П. А. Вяземского

¹⁾ Д. Н. Бантыш-Каменский. Прибавление . . . , 1847, стр. 92—104.

к А. Я. Булгакову от 5-го февраля 1837 г. 1). Но в печати характерно—неопределенные вводные строки оригинала—«Ночью возвратился к нему Арендт и привез ему для прочтения собственноручную карандашом написанную государем записку, почти в таких словах»—были заменены оборотом, не оставлявшим уже никаких недомыслий: «В полночь доктор Арендт возвратился со следующею собственноручною запискою государя императора к Пушкину».

26-го октября 1846 г. цензор А. Л. Крылов, рассматривавший труд Бантыша - Каменского, доложил С.-Пб. Цензурному Комитету о своих «сомнениях» относительно некоторых мест в биографии А. С. Пушкина, которые он отказывался пропустить без санкции Комитета:

«1. Отрывок из стихотворения «Усы» (стр. 8). 2. Другой отрывок из Послания Илличевскому, где поэт сознается, что он бессмертию души своей предпочел бы бессмертие творений (стр. 15). 3. Имена Гекерена и Данзаса, в известии о дуэли, прекратившей жизнь Пушкина (стр. 68 и 71). 4. Собственно-

1) «Русский Архив», 1879, II, 244.

ручная записка его величества, которую велено было возвратить назад, прочитавши Пушкину, когда он был на смертном одре (стр. 74)». Комитет не встретил возражений к напечатанию первых трех мест, что же касается четвертого, то постановлено было «препроводить выписку этого места к ген.-адъют. Адлербергу» 1). Официальная патетика всего повествования Бантыш-Каменского о последних днях Пушкина не могла, разумеется, встретить никаких возражений со стороны министра императорского двора, и так как легенда о письме Николая и предсмертных патриотических излияниях Пушкина отвечала определенным настроениям высших правительственных кругов, то оставалось формально лишь ее санкционировать. Как гласил протокол, — «в заседании С.-Петербургского Цензурного Комитета 12-го ноября 1846 года слушали: отношение г. генерал-адъютанта Адлерберга от 15 ноября за № 2222 с возвращением доставленной к нему при отношении С.-Петербургского Цензурного Комитета от 30 минувшего

1) Архив I Петербургского Отделения IV секции Гос. Арх. Фонда. Журналы С.-Пб. Цензурного Комитета за 1846 год.

октября за № 308 выписки из сочинения Тайного Советника Бантыш-Каменского. При сем его высокопревосходительство уведомил Комитет, что к напечатанию заключающегося в этой выписке препятствия со стороны министерства императорского двора нет. Определено: принять к сведению, так как по приказанию его превосходительства г. председателя комитета сообщено уже о таком отзыве г. генерал-адъютанта Адлерберга г. цензору статскому советнику Крылову, рассматривающему сочинение тайного советника Бантыш-Каменского» ¹⁾). Таким образом, извращенная передача одного из мест известного письма князя П. А. Вяземского получила как бы официальное подтверждение и, широко распространясь, ввела в заблуждение даже такого осведомленного биографа Пушкина, как П. В. Анненков. «Вместе с описанием Жуковского», — замечал он, перепечатывая свидетельство о записке Николая в своих «Материалах для

¹⁾ Архив I Отд. IV секции. Дело С-Пб. Цензурного Комитета о рукописях, препровождаемых на предварительное рассмотрение г. министра императорского двора, 1846, № 74, лл. 25 и 26.

биографии Пушкина»¹⁾, — «мы прилагаем рассказ г. Бантыш-Каменского из его биографии Пушкина, который дополняет первое многими подробностями и замечательными чертами».

Ю. Оксман.

¹⁾ П. В. Анненков, Материалы для биографии Пушкина, приложение V, стр. 428.

М. А. ЦЯВЛОВСКИЙ

БУМАГИ О ДУЭЛИ И СМЕРТИ

ПУШКИНА

ИЗ СОБРАНИЯ П. И. БАРТЕЛЕВА

После смерти редактора-издателя «Русского Архива» П. И. Бартенева (скончался 22-го октября 1912 г.) известный Московский библиофил Л. Э. Бухгейм приобрел у его наследников пачку бумаг в обертке, на которой рукою Бартенева было написано: «Письма и бумаги о поединкѣ и кончинѣ Пушкина»¹⁾.

Собрание это в большей своей части (№№ 1—9 ниже помещаемого описания) принадлежало, несомненно, князю П. А. Вяземскому, заключая в себе несколько автографов его и бумаги, полученные им от секунданта Пушкина К. К. Данзаса. К этому собранию, неизвестно когда и при каких обстоятельствах перешедшему от князя Вяземского к П. И. Бартеневу, последний присоединил черновую рукопись известной записки В. И. Даля о бо-

¹⁾ В настоящее время все описываемые бумаги из собрания П. И. Бартенева Л. Э. Бухгейм передал в Пушкинский Дом при Российской Академии Наук.

лезви и смерти Пушкина, полученную Бартеневым вероятно от самого автора, и письмо М. И. Ханенко со стихами Лермонтова на смерть Пушкина.

Текст большинства бумаг, в течение многих лет хранившихся у Бартенева, в настоящее время известен, и не все они представляют интерес новизны. Но есть и среди документов известных один, как реликвия, — исключительной ценности. Это — подлинник условий дуэли между Пушкиным и Дантесом, написанный Данзасом за несколько часов до дуэли, во Французском посольстве, у д'Аршиака, секунданта убийцы поэта.

Эту бумагу привез Данзас к Пушкину, не пожелавшему, по словам Данзаса, познакомиться с ее содержанием. С этой бумагой Данзас был на дуэли. В верхней части бумаги есть пятна. Не кровь ли это поэта, которого, после ранения, нес на своих руках его друг?

Вот описание пачки бумаг, по №№ документов:

1

Лист белой писчей бумаги (без вод. знаков), на котором — копии руки К. К. Данзаса: а) письма Пушкина от 21-го ноября 1836 г. к графу А. Х.

Бенкендорфу; б) анонимного письма - диплома и в) письма барона Геккерена от 26-го января 1837 г. к Пушкину.

а) Перед текстом первого письма (на франц. яз.) написано: «Lettre de M-g Pouchkine que l'on supposè avait été adressée au Comte de Benken-dorff¹⁾. Подлинник этого письма, в котором Пушкин, извещая о получении им анонимных писем, пишет, что он убедился в том, что письма эти — дело рук Геккерена, — неизвестен. Впервые письмо было напечатано в книжке А. Аммосова «Последние дни жизни и кончина А. С. Пушкина. Со слов бывшего его лицейского товарища и секунданта Конст. Карл. Данзаса». Изд. Я. А. Исакова, С.-Пб. 1863, стр. 43—45. Текст сюда доставлен К. К. Данзасом, и письмо названо: «Письмо Пушкина, адресованное, кажется, на имя графа Бенкендорфа». Как видим, и в описываемой копии адресат назван предположительно. Историю этого письма П. Е. Щеголев, не без оснований, считает загадочной. См. его книгу «Дуэль и смерть Пушкина», изд. 2-ое, Пгр. 1917, стр. 106—107.

¹⁾ «Письмо г. Пушкина, адресованное им, кажется, к графу Бенкендорфу».

Текст описываемой копии такой же, как и в книге Аммосова, за исключением отличий в орфографии и следующего: вместо «En attendant je m'assurai que la lettre anonyme était de M-r Heckern»¹⁾, как напечатано у Аммосова, в описываемой копии читаем: «En attendant je m'assurai que les lettres anonymes étaient de M-r Heckern»²⁾. Подпись под письмом— Alexandre Pouchkine (у Аммосова — А. Pouchkine).

б) Перед текстом письма-диплома (на франц. яз.) написано: «Deux lettres anonymes dont le papier, le format, l'écriture, l'encre et le contenu, sont parfaitement les mêmes»³⁾. После текста написано: «N B. La seconde lettre anonyme est toute la même, que celle-ci, et toutes deux ont la même adresse, écrite d'une autre main, que la lettre⁴⁾

1) «Между тем я убедился, что анонимное письмо было от г. Геккерена».

2) «Между тем я убедился, что анонимные письма были от г. Геккерена».

3) «Два анонимных письма, которые по бумаге, формату, почерку, чернилам и содержанию совершенно одинаковы».

4) «N B. Второе анонимное письмо точно такое же, как и это, и на обоих письмах имеется одинаковый адрес, написанный другой рукой, нежели самое письмо».

Александрю Сергеичу

Пушкину».

До сих пор известно два экземпляра анонимного пасквиля, и оба они ныне находятся в Пушкинском Доме. Впервые текст пасквиля был напечатан П. А. Ефремовым в «Русской Старине» 1880 г., № 6, стр. 330, по не указанному им оригиналу. Текст по подлиннику опубликован ныне А. С. Поляковым в книге «О смерти Пушкина», Петр. 1922, стр. 14.

Текст описываемой копии — такой же, как и опубликованный Поляковым, кроме того, что в первой нет слов: «vénéralable» (см. у Полякова 3-я строка сверху) и «de l'Ordre» (у Полякова — 5-я строка сверху).

Сказанное в вышеприведенном примечании совпадает с тем, что писал Ефремов в «Русской Старине» (1880 г., № 6, стр. 331): «Было прислано и второе анонимное письмо — дословное повторение предыдущего. Оба письма имели одинаковый адрес, написанный другою рукою, нежели был написан текст пасквиля: «Александрю Сергѣевичу Пушкину».

О пасквиле см. в указанной книге Полякова, стр. 12 — 26.

в) Текст письма (на франц. яз.) барона Геккерена к Пушкину от 26-го января 1837 (на письме даты нет) впервые напечатан К. К. Данзасом в названной книге Аммосова (стр. 51 — 52). Оригинал хранится в военно-судном деле о дуэли Пушкина (ныне в Пушкинском Доме) и издан в книге П. фон-Кауфмана «Дуэль Пушкина с Дантесом-Геккереном», С.-Пб. 1900 (стр. 82), а затем в Акад. изд. Переписки Пушкина (т. III, стр. 445 — 446). Текст описываемой копии отличается от текста, даваемого Акад. изд., лишь орфографией некоторых слов.

2

Шесть полулистов писчей белой бумаги (без вод. знаков), согнутых пополам и сшитых в виде тетрадки (24 стр.). Исписаны первые десять страниц.

Рукой неизвестного здесь написаны копии: а) письма Пушкина от 21-го ноября 1836 г. к графу А. Х. Бенкендорфу; б) анонимного письма-диплома; в) письма барона Геккерена от 26-го января 1837 г. к Пушкину; г) записки д'Аршиака от 26-го января 1837 г. к Пушкину; д) записки д'Аршиака

от 27-го января 1837 г. к Пушкину; е) второй записки д'Аршиака от 27-го января 1837 г. к Пушкину и ж) записки на визитной карточке д'Аршиака.

Текст первого письма (на франц. яз.) здесь, такой же, как в книге Аммосова. Текст письма-диплома, — совершенно такой же, как напечатанный А. С. Поляковым, — сопровождается здесь такими же пояснениями, как и в вышеописанной копии Данзаса.

Текст письма барона Геккерена и всех четырех записок д'Аршиака здесь такой же, как и в книге Кауфмана, стр. 82, 83 и 84.

3

Лист почтовой бумаги большого формата (без вод. знак.); исписаны первые две страницы; на первой рукой князя П. А. Вяземского написано:

«Копія съ собственноручной копіи письма Пушкина къ Министру Геккерену (посланнаго къ нему, вѣроятно въ понедѣльникъ 25-го Января 1837.) Копія сія найдена была въ карманѣ сертука его, въ которомъ онъ дрался: онъ сказалъ о ней Данзасу: если убьютъ меня возьми эту копію и сдѣлай изъ нее какое хочешь упо-

требление». Затем идет текст письма (на француз.), написанный также рукой князя П. А. Вяземского.

Подлинное письмо Пушкина к Геккерену, послужившее поводом к дуэли, от последнего поступило в военно-судную Комиссию, рассматривавшую дело о дуэли; в Комиссии была сделана копия с письма, которая и осталась в делопроизводстве Комиссии (оно ныне хранится в Пушкинском Доме), а подлинное письмо было возвращено Геккерену. Текст копии, находящейся в деле производстве Комиссии, воспроизведен в выше указанной книге Кауфмана (стр. 51 — 52) и в Акад. изд. Переписки Пушкина (т. III, стр. 444 — 445).

После написания письма к Геккерену Пушкин собственноручно сделал копию, несколько отличную в отдельных словах от подлинника, посланного барону. Об этой копии и говорит вышеприведенная заметка князя П. А. Вяземского, сделанная, конечно, со слов К. К. Данзаса. В воспоминаниях Данзаса, записанных Аммосовым, о вручении копии письма рассказывается иначе. По Аммосову выходит, что Пушкин отдал копию Данзаса перед дуэлью во Французском

посольстве у д'Аршиака (см. названную книгу Аммосова, стр. 19. См. ниже № 6).

Факсимиле этой копии дано в книге Аммосова ¹⁾. Текст князя Вяземского такой же, как и у Пушкина. В копии Пушкин не проставил даты, почему Вяземский в вышеприведенной заметке и высказал неверное предположение, что письмо написано было 25-го, тогда как оно было написано 26-го.

Об этом роковом письме см. в названной книге П. Е. Щеголева, стр. 126 — 128.

4

Лист белой писчей бумаги с клеймом казенной бумажной фабрики (буква Г с короной). На верху первой страницы листа рукой К. К. Данзаса написано: «Conditions du duel entre M-r de Pouschkin et M-r le Baron Georges de Heckern». Вот текст документа:

¹⁾ Где в настоящее время находится самая копия нам неизвестно.

Conditions du duel entre Mr de Pouschkin et Mr le Baron Georges de Heckern.

1° Les deux adversaires seront placés à 20 pas de distance à 5 pas chacun des deux barrières qui seront distantes de 10 pas entre elles.

2° Armés chacun d'un pistolet, à un signal donné, ils pourront en s'avancant l'un sur l'autre, sans cependant dans aucun cas dépasser les barrières, faire usage de leurs armes.

3° Il reste convenu en outre [qu'un coup de feu parti, il ne sera plus permis à chacun des deux adversaires de changer de place pour que celui des deux qui aura tiré le premier dans ^{les} cas essaye le feu de son adversaire à la même distance.

4° Les deux parties ayant tirés, s'il n'y a point de résultat, on recommencera l'affaire comme la première fois, en remettant les adversaires à la même distance de 20 pas, et en conservant les mêmes barrières et les mêmes conditions.

5° Les témoins seront les intermédiaires obligés de toute explication entre les adversaires sur le terrain.

6° Les témoins de cette affaire, soussignés, chargés de pleins pouvoirs, garantissent sur l'hon-

neur chacun pour sa partie la stricte exécution des conditions ci-dessus mentionnées.

Le 27 de Janvier
1837.

Constantin Danzas
I-ant Colonel de Génie
Vicomte d'Archiac
attaché à l'Ambassade
de France.

История этого воистину страшного документа такова. В день дуэли, 27-го января 1837 г., Пушкин, привезя своего товарища по Лицею подполковника К. К. Данзаса во Французское посольство, где жил секундант Дантеса д'Аршиак, представил ему, как своего секунданта, Данзаса и, изложив последнему историю своего столкновения с Дантесом и Геккереном, уехал, предоставив секундантам выработать условия дуэли. По желанию д'Аршиака выработанные условия поединка были закреплены на бумаге. Они были написаны на французском языке в двух экземплярах: один — для секунданта Пуш-

кина, Данзаса, другой — для секунданта Дантеса, д'Аршиака. На первом было написано: «Условия дуэли между г. Пушкиным и г. бароном Георгом Геккереном», и на нем первым подписался Данзас и вторым д'Аршиак; на втором экземпляре стояло: «Условия дуэли между г. бароном Георгом Геккереном и г. Пушкиным», и на нем первым подписался д'Аршиак и вторым Данзас. Переписка второго экземпляра была закончена в 2½ часа дня, как и помечено на документе. Этот экземпляр д'Аршиака остался у него, а затем поступил в архив Геккерен-Дантеса, где хранился до 1916 г., когда был опубликован П. Е. Щеголевым в его исследовании «Дуэль и смерть Пушкина» («Пушкин и его современники», вып. XXV — XXVII, стр. 176 — 177). Свой экземпляр Данзас привез Пушкину, который, не прочитав даже условий, согласился на все (Аммосов, «Последние дни...», стр. 20).

Вот этот-то экземпляр условий дуэли Пушкина, принадлежавший Данзасу, и сохранился у Бартенева, получившего документ, вероятно, от князя П. А. Вяземского, который к своему известному письму от 14-го февраля к великому князю Михаилу Павловичу приложил копию текста условий

Conditions du duel entre Mr de Pauskier
et M^r le Baron Georges Meckers

1° Les deux adversaires seront placés à 20 pas de distance et 5 pas chacun des deux barrières qui seront distantes de 10 pas entre elles.

2° Armés chacun d'un pistolet, à un signal donné ils pourront en s'avancant l'un sur l'autre sans cependant dans aucun cas dépasser les barrières faire usage de leurs armes.

3° Il reste convenu en outre qu'un coup de feu parti il ne sera plus permis à chacun des deux adversaires de changer de place pour que celui des deux qui aura tiré le premier dans tous les cas essaye le feu de son adversaire à la même distance.

4° Le duel partus ayant tirés, s'il n'y a point de résultat, on recommencera l'affaire comme la première fois, en remettant les adversaires à la même distance de 20 pas en conservant les mêmes barrières, les mêmes conditions.

5° Les témoins seront les intermédiaires obligés de toute explication entre les adversaires sur la terre.

6° Les témoins de cette affaire sous signés chargés de plein pouvoir garantis sur l'honneur chacun pour sa partie, la stricte exécution des conditions ci-dessus mentionnées.

Le 27e Janvier 1834

Constantin Dankus
par le Colonel de Genies
Nicolas d'Archie

attaché à l'ambassade
de France

дуэли ¹⁾, полученного, конечно, от Данзаса и оставленного у себя князем.

Текст условий дуэли, принадлежавший Данзасу, такой же, как и в экземпляре, принадлежавшем д'Аршиаку, кроме чисто стилистических отличий во 2-м, 3-м и 6-м пунктах (см. воспроизведение).

5

Лист белой почтовой бумаги большого формата (без вод. знак.) с клеймом казенной бумажной фабрики. На первой странице листа в правом верхнем углу помета рукой князя П. А. Вяземского «Копія», а затем его же рукой копия недатированного письма (на франц. яз.) от 1-го или 2-го февраля 1837 г. графа А. Х. Бенкендорфа к графу Г. А. Строганову о разрешении А. И. Тургеневу отвезти тело Пушкина в Святогорский монастырь.

Впервые это письмо было напечатано Данзасом в книге Аммосова (стр. 67 — 68), затем по копии, сделанной А. И. Тургеневым в письме

¹⁾ См. Щеголев, «Дуэль и смерть Пушкина», 2-ое изд. стр. 256.

его к А. Я. Булгакову от 2-го февраля 1837 г. в «Русском Архиве» 1864, стб. 989—990 второго издания; наконец, по копии того же Тургенева, в изд. «Пушкин и его современники», вып. VI, стр. 69. Текст копии Вяземского такой же, как и в указанных изданиях.

Вторая и четвертая страницы листа — чистые, а на третьей — черновик руки А. И. Тургенева его письма (на франц. яз.) к графу Г. А. Строганову от 2-го февраля 1837 г. В письме этом Тургенев «с усердием и глубокой благодарностью» принимает поручение отвезти тело Пушкина в Псковскую губернию. Беловой текст этого письма впервые напечатан по копии, сделанной самим Тургеневым, в письме его к Булгакову от 2-го февраля 1837 г., в «Русском Архиве» 1864, стб. 990, а затем по другой копии (тоже А. И. Тургенева) в сборн. «Пушкин и его совр.», вып. VI, стр. 70—71.

Текст черновика имеет лишь чисто стилистические отличия от белого текста.

Об этом письме упоминается в дневнике А. И. Тургенева под 2-м февраля: «У князя Вяземского написал письмо къ графу Строганову» (Щеголев, «Дуэль и смерть Пушкина», 2-ое изд.,

стр. 272). Этим и объясняется, что Вяземский на листе с черновиком письма Тургенева написал текст письма Бенкендорфа к Строганову.

6

Лист почтовой большого формата белой бумаги (без вод. зн.), на котором написано неизданное еще письмо К. К. Данзаса от 4-го февраля 1837 г. к графу А. Х. Бенкендорфу (?) ¹⁾.

Ваше Превосходительство
Милостивый Государь

Покойной Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, отдалъ миѢ передъ смертью, своеручную копію съ письма посланнаго имъ Министру Нидерландскаго двора, Г-ну Барону Геккерну. Узнавъ, что содержаніе онаго перетолковывается въ городѢ, весьма въ невыгодную сторону для Пушкина; котораго память миѢ священна, то я беру смѣлость утруждать Ваше Превосходительство, покорнѣйшею прозьбою, принять отъ меня это роковое письмо, и поступить съ онымъ по ва-

¹⁾ Не правильнее ли предположить, что письмо это обращено к В. А. Жуковскому? Б. М.

шему усмотрѣнію и естли заблагоразсудите то показать оное Его Императорскому Величеству какъ покровителю и благодѣтелю несчастнаго семейства Пушкиныхъ.

Примите при семъ увѣренія въ чувствахъ совершенной преданности и глубочайшаго почтенія съ коимъ

Имѣю честь быть
Вашего Превосходительства
Милостиваго Государя
покорнѣйшій слуга
К. Данзасъ.

1837-го года
Февраля 4-го дня.

Письмо это до сих пор не было опубликовано. Адресовано оно, вероятно, графу А. Х. Бенкендорфу и, надо полагать, не было отправлено. Речь идет в нем, конечно, о письме Пушкина к барону Геккерену от 26-го января, послужившем поводом к дуэли. Полученная от Пушкина Данзасом копия письма осталась у последнего, так как в книге Аммосова было воспроизведено факсимиле именно этой копии, имевшейся у Данзаса (см. выше № 3).

Лист голубоватой почтовой бумаги большого формата с вод. знаком: «J. Whatman 1833», на котором написано письмо К. К. Данзаса к князю П. А. Вяземскому от 6-го февраля 1837 г.

Призванный в военно-судную Комиссию по делу о дуэли Пушкина с Дантесом князь П. А. Вяземский 8-го февраля между прочим показывал: «Не зная предварительно ничего о дуэли, про которую в первый раз услышал я вместе с известием, что Пушкин смертельно ранен, и при первой встрече моей с г. Даршиаком просил его рассказать о том, что было. На сие г. Даршиак вызвался изложить в письме все случившееся, прося меня при том показать письмо г. Данзасу для взаимной поверки и засвидетельствования подробностей дуэли. Между тем письмо его доставлено мне было уже по отъезде г. Даршиака за границу и следовательно не могло быть прочтено и поверено вместе обоими свидетелями и получить в глазах моих ту достоверность, которую я желал иметь в сведениях о несчастном происшествии, лишившем меня чело- века, столь близкого сердцу моему. Вследствие

того и отдал письмо сие г. Данзасу, который возвратил мне оное с письмом от себя: прилагаю у сего то и другое» (см. указанную книгу Кауфмана, стр. 46 — 47).

Это письмо Данзаса к Вяземскому, дополняющее и исправляющее показания секунданта Дантеса Д'Аршиака о дуэли Пушкина, и сохранилось у Бартенева. Представив письмо Комиссии, Вяземский просил возвратить его по миновании надобности, что, по снятии копии с письма, и было сделано. Впервые письмо было напечатано в книге Аммосова, стр. 64 — 67, а затем исправнее (по копии военно-судной Комиссии) в книге Кауфмана, стр. 54 — 55.

Оставляя в стороне неточное воспроизведение орфографии некоторых слов в книге Кауфмана, отметим две неправильности этого текста. В 13-ой строке сверху письма в словах Пушкина надо «tiger mon sour», а не «donner mon sour»; в 16-ой строке надо: «замѣчаніе Г-на Д'Аршиака», а не «заключенія Г-на Д'Аршиака». Кроме того, фраза, начиная со слов: «свѣгъ, забившійся» и кончая: «не отвратилъ бы его», написана на полях, при чем знаком вноски показано ее место в тексте.

Лист белой почтовой бумаги большого формата (без вод. зн.): «Высочайше подтвержденная сентенція Военнаго Суда», какъ обозначено на верху первой страницы. Копия писарской руки рапорта военного министра графа Чернышева в Правительствующий Сенат от 19-го марта 1837 г. Копия эта снята с документа, напечатанного в книге Кауфмана на стр. 155 - ой. Впервые эта сентенция напечатана в «Северной Пчеле» 1837 г., № 81, стр. 321, а затем в книге Аммонова, стр. 69 — 70.

Лист белой почтовой бумаги большого формата (без вод. знак.) с клеймом казенной бумажной фабрики: первые три его страницы и начало четвертой заняты текстом (на французском языке), руки князя П. А. Вяземского, очевидно, его статьи о смерти Пушкина для какого-то французского периодического издания. Нам неизвестно, была ли эта статья где-либо напечатана¹⁾, но в русской

¹⁾ «Писали много о Пушкине и во французских, и английских газетах, и, кажется, французские и англий-

литературе о Пушкине нет никаких указаний, что князь Вяземский составлял такую статью. 25-го марта 1837 г. он писал А. О. Смирновой в Париж: «Надеюсь, что вы получили мое письмо, при котором приложен список с моего письма к Булгакову¹⁾. Вам следовало бы несколько разгласить содержащиеся в нем подробности относительно последних минут Пушкина, чтобы опровергнуть глупые рассказы ваших [т. е. Парижских] журналов об его республиканстве, атеизме и пр. Наверно все это сообщается отсюда, тогда как наши журналы и друзья Пушкина не смеют ничего про него печатать; с ним точно то, что с Пугачевым, которого память велено было предать забвению. Статья в Журнале

ские статьи были обильнее немецких подробностями и обстоятельнее; по крайней мере, немецкие некрологисты делают не мало ссылок на французские и английские газеты. К сожалению, еще не сделано никакого обзора находящихся в них статей о деле Пушкина, — не только обзора, но и простого перечня» (П. Щеголев, «Дуэль и смерть Пушкина», 2-ое изд., стр. 388).

¹⁾ Письма князя П. А. Вяземского к А. Я. Булгакову о дуэли и смерти Пушкина от 5-го и 9-го февраля 1837 г. напечатаны в «Русском Архиве» 1879 г., № 6, стр. 243 — 253.

Дебатов Лёве - Веймара не пропущена, хотя она довольно справедлива и писана с доброжелательством¹⁾, а клеветы пропускаются. Мне хотелось написать письмо к Лёву Веймару, но у меня после третьей gripпы осталась такая слабость в глазах, что с трудом могу читать и писать²⁾. Может быть печатаемый текст и есть начало этого не оконченного письма к Лёве - Веймару?

Вот текст его:

La mort de Pouschkin ainsi que sa vie appartiennent à l'histoire et à l'humanité. C'étoit une de nos plus belles gloires littéraires, une des sommités, intellectuelles et poétiques de l'époque, un de ces brillants et puissants chaînons, qui rattachent entr'elles les nationalités de tous les pays, divisées par leur origine, par les événements, par leur croyances politiques, les préjugés, les passions, tout, ce qui tient à l'homme et à ses erreurs,

1) Статья Лёве - Веймара, впервые напечатанная в номере «Journal des Débats» от 3 марта 1837 г., перепечатана в книге Щеголева, «Дуэль и смерть Пушкина», 2 - ое изд., стр. 391 — 395. О самом Лёве - Веймаре см. там же, стр. 390 - 391.

2) См. «Русский Архив» 1888 г., № 7, стр. 303 — 304.

mais réunies en un même faisceau de lumières, grâce à ces intelligences puissantes, qui survivent aux générations. Sous ce rapport Homère est le patrimoine de l'humanité. Racine appartient autant à la Russie, qu'à la France, et Pouschkin, enlevé au midi de son âge et de son talent, est une perte, que les Français doivent apprécier, ainsi que ses compatriotes. Cette sympathie d'affection et de douleur est un des beaux et satisfaisants résultats de la civilisation, unique refuge de cette paix perpétuelle et universelle, qu'a rêvée l'abbé de St. Pierre, et qui chassée du domaine de la politique, n'en est pas moins une vérité dans la république des lettres, des sciences et des beaux arts. Quant aux causes, qui ont amené le déplorable événement, dont nous avons été témoins, celles-ci ne sont pas faites pour la publicité. Respectons le secret de l'homme, qui l'a renfermé avec lui dans sa tombe et qui quelques heures avant de recevoir le coup mortel, qui l'y a précipité, écrivoit au témoin de son adversaire: «Je ne me soucie pas de mettre les oisifs de Pétersbourg dans la confiance de mes secrets de famille. Je ne consens à aucun pourparler entre les témoins».— Il suffit de savoir, que sa conduite a été celle

d'un homme d'honneur dans toute cette histoire que ses relations avec sa femme, que l'affection et la confiance, qu'il lui portait, n'ont pas été altérés un instant, que c'est pure de tout soupçon, qu'il a léguée sa veuve à l'estime et au dévouement de ses amis et à l'intérêt de tous les hommes de bien, que c'est une fatalité implacable, qui l'a poussé vers le funeste dénouement, dont il a été la victime. Infâmes lettres anonymes, outrageuses pour son honneur et celui de sa femme lui furent adressées dans les premiers jours de Novembre et répandues par la ville. Comme le prétexte de cette offense ne pouvoit être que la cour qu'un jeune homme de la société étranger au pays, mais à notre service, étoit censé fairé à M-me Pouschkin et que le mari, comme il l'a dit lui meme, ne se soucioit pas de voir le nom de sa femme accolé en cette occasion avec le nom de qui que ce soit, il envoya un cartel au jeune homme, comme seul responsable pour le moment de l'injure gratuite et obscure, qui lui avoit été faite. La provocation fut acceptée et le duel ajourné à deux semains à la demande de la partie adverse. Dans cet intervalle un événement, auquel Pouschkin ne prit aucune part, qui ne lui fu

annoncé que par les bruits de la ville, et dont les motifs restent secrets et inexplicables pour tout le monde, vint changer la face des choses et rendre le duel impossible (du moins on le croyait alors), et Pouschkin retira le cartel. Le jeune homme épousa la soeur de M-me Pouschkin. Cette nouvelle position des principaux acteurs de ce drame apporta peu de modifications à celle de Pouschkin. Sa blessure étoit tant soit peu cicatrisée, mais la moindre atteinte pouvoit la rouvrir au premier moment et la faire saigner avec plus de violence. Des suppositions, des conjectures du roman fait à loisir par les méchants auteurs des salons furent répétés, commentés, envenimés. Le jeune homme continuoit encore à être un tiers aux yeux du public entre Pouschkin et sa femme et projetoit sur l'un et sur l'autre une ombre odieuse à sa susceptibilité. C'étoit un fantôme, qui n'avoit aucune réalité, puisque Pouschkin étoit sûr de la vertu de sa femme, et que tous ses amis et toutes les personnes honorables de la société partageoient sa conviction à cet égard, mais ce fantôme, ce nom, cette ombre ne l'en obsédoit pas moins et devoit jeter du trouble dans l'âme, sensible et irascible du poète. D'ailleurs il avoit dit:

«il ne me suffit pas, que mon nom soit intact aux yeux de mes amis et du cercle, où je me trouve, mon nom appartient au pays et je dois veiller à son inviolabilité partout, où il est connu». Il disoit une autre fois: «il y a deux sortes de maris trompés — ceux, qui les sont de fait, savent à quoi s'en tenir; le cas de ceux, qui ne les sont que par la grâce du public, est plus embarrassant et c'est le mien». Les aveux prouvent assez l'état inquiet, le degré d'irritation, de torture morale, où il se trouvoit. Son coeur déborda, et il se rejeta sur son premier projet de duel, comme sur la seule issue, qui s'ouvroit devant lui pour échapper au souffrance, qui le dévoroient. Bien des personnes ont dit, qu'il avoit manqué de modération, de sagesse, de sang-froid. C'est facile à dire, quand on l'esprit à l'aise et le coeur libre. Mais il auroit fallu sonder toutes les plaies de ce coeur, blessé dans ce, que l'homme a de plus cher au monde: l'honneur de sa femme et le sien, ressentir tous les orages, qui ont du éclater et grondoient encore en son sein, en un mot avoir le coeur, l'imagination, la susceptibilité du poète, pour se permettre de le juger et blâmer sa conduite. N'oublions pas, qu'avec une autre façon de

voir et de sentir il auroit certainement pu agir autrement, sans porter atteinte à son honneur, mais alors nous aurions eu un autre Pouschkin et non celui, que nous connaissions, non le poète, doué d'une nature de poète au plus haut degré, non un rival de Byron, mais, peut être, un Montesquieu, un Cuvier, que sais-je? ¹⁾

ПЕРЕВОД

Смерть Пушкина, так же как и его жизнь, принадлежит истории и человечеству. Он был одною из прекраснейших слав нашей литературы, одною из интеллектуальных и поэтических вершин эпохи, одним из блестящих и могучих звеньев, соединяющих между собой народности всех стран, разделенные происхождением, событиями, своими политическими верованиями, предрассудками, страстями, всем, что принадлежит человеку и его ошибкам, но связанные благодаря этим могучим умам, переживающим поколения, в один светящийся факел. В этом отношении

¹⁾ Текст в рукописи производит впечатление белого: в нем нет никаких поправок. После последнего слова имеется знак, как будто бы указывающий, что текст имеет продолжение.

Гомер — наследие человечества, Расин настолько же принадлежит России, как и Франции, и Пушкин, унесенный в полдень своих лет и своего таланта — потеря, которую французы должны оценить так же, как и его соотечественники. Эта сочувственность любви и скорби — один из прекрасных и удовлетворяющих результатов цивилизации, единственное убежище того непрерывного и всемирного мира, о котором грезил аббат де Сен-Пьер и который, будучи изгнан из области политики, все же истинно существует в республике словесности, наук и искусств.

Что же касается причин, вызвавших печальное происшествие, свидетелями которого мы были, то они не таковы, чтобы о них говорить публично. Не будем касаться тайны человека, унесшего ее с собой в могилу, человека, который, за несколько часов до смертельного выстрела, бросившего его в нее, писал свидетелю своего противника: «Я не жажду посвятить Петербургских бездельников в свои семейные тайны. Я не согласен ни на какие переговоры между свидетелями». Достаточно знать, что его поведение во всей этой истории было поведением человека чести, что его отношения к жене, что любовь и доверие,

которые он питал к ней, ни на мгновение не изменились, что он передал свою вдову уважению и преданности своих друзей и вниманию всех порядочных людей чистой от всякого подозрения, что толкнул его к этой гибельной развязке, жертвой которой он оказался, некий неумолимый рок. В начале ноября ему были посланы и распространялись по городу гнусные анонимные письма, оскорбительные для его чести и чести его жены. Так как поводом к этому оскорблению могли быть только предполагаемые ухаживания за г-жей Пушкиной одного светского молодого человека, иностранца, но состоящего на нашей службе, и так как муж, как он сам сказал это, не желал видеть в этом случае имя своей жены связанным с именем кого бы то ни было, он послал вызов молодому человеку, как единственному ответственному лицу за нанесенное ему неосновательное и темное оскорбление. Вызов был принят, и дуэль отсрочена на две недели по просьбе противной стороны. В этот промежуток времени происшествие, в котором Пушкин не принял никакого участия, которое дошло до него только через городские слухи, и причины которого остаются тайными и непо-

нятыми для всех, изменило положение вещей и сделало дуэль невозможной (по крайней мере так думали тогда), и Пушкин взял свой вызов обратно. Молодой человек женился на сестре г-жи Пушкиной. Это новое положение главных действующих лиц этой драмы внесло мало изменений в положение Пушкина. Его рана несколько зажила, но малейший удар мог снова ее раскрыть в первое же мгновение и с новой силой вызвать кровотечение. Предположения, обстоятельства романтической истории, созданной бездельем злых салонных авторов, были повторены, обсуждены, отравлены. Молодой человек продолжал быть в глазах публики третьим лицом между Пушкиным и его женой и бросал на ту и на другого ненавистную для его восприимчивости тень. Это был призрак, не имеющий никакой жизненности, ибо Пушкин был уверен в чистоте своей жены, и все его друзья и достойные уважения лица света разделяли его уверенность в этом; но этот призрак, это имя, эта тень тем не менее его преследовали и должны были смутить чувствительную и раздражительную душу поэта. Кроме того, он сказал: «Мне мало того, что мое имя незапятнано в глазах моих друзей и знакомых, мое имя

принадлежит стране, и я должен следить за его неприкосновенностью всюду, где оно известно». Другой раз он сказал: «Есть два рода обманутых мужей; те, которые фактически обмануты, знают, что об этом думать; положение тех, которые обмануты только благодаря публике, самое неудобное, и это — мое положение. Эти признания достаточно доказывают взволнованное состояние, степень раздражения, душевной муки, в какой он находился. Его сердце переполнилось, и он снова кинулся к своему первоначальному проекту дуэли, как к единственному исходу, открывающемуся ему, чтобы избежать страданий, его пожиравших. Многие говорили, что у него не хватило сдержанности, благоразумия, хладнокровия. Это легко сказать, когда дух спокоен и сердце свободно. Но нужно было бы измерить все язвы этого сердца, раненого в том, что в мире всего дороже человеку: честь его жены и собственная честь; почувствовать все бури, которые, вероятно, разразились и еще клокотали в нем, одним словом, нужно обладать сердцем, воображением и чувствительностью поэта, чтобы позволить себе судить о нем и порицать его поведение. Не забудем, что при другом образе

воззрений и чувств он конечно мог бы поступить иначе, не задев своей чести, но тогда мы имели бы другого Пушкина, а не того, которого знали, не поэта, одаренного в высшей мере поэтической природой, не соперника Байрона, но, может быть, какого-нибудь Монтескье, Кювье, — как знать?

В этой, надо думать, неоконченной статье Вяземский ставит себе ту же задачу, что и в своих изгестных письмах к А. Я. Булгакову и к великому князю Михаилу Павловичу ¹⁾—защиту чести Пушкина и его жены. «Болсе всего не забывайте, писал Вяземский в заключение письма своего к Булгакову, что Пушкин нам всем, друзьям своим, как истинным душеприказчикам, завещал священную обязанность: оградить имя жены его от клеветы. Он жил и умер в чувстве любви к ней и в убеждении, что она невинна. И мы, очевидцы всего, что было, проникнуты этим убеждением. Это главное в настоящемположении».

¹⁾ Статья имеет много общих мест и даже выражений с этими письмами. Сходство это, между прочим, не позволяет видеть в публикуемом тексте копию, сделанную Вяземским с какого-нибудь чужого текста.

Исполнением этой «священной обязанности», как понимал ее Вяземский, и является публикуемая статья. Отсюда ее пафос, не лишенный риторичности. В отношении фактов, статья ничего не прибавляет к тому, что мы знаем о дуэли Пушкина из писем того же Вяземского.

10

ЧЕРНОВИК ЗАПИСКИ В. И. ДАЛЯ О БОЛЕЗНИ И СМЕРТИ ПУШКИНА

Десять листков (20 стр.) в четвертку белой писчей бумаги (без вод. знак.), вырванных из тетради. Листки перенумерованы — с 103 по 112-ый. На первой странице, сбоку, поперек, написано рукой Бартенева: «NB. Писано В. И. Далемъ». Страницы 1-ая, 14-ая, 16-ая, нижняя половина 19-ой и 20-ая заняты разного рода зачеркнутыми заметками Даля, не имеющими никакого отношения к Пушкину.

Страницы 7 — 13 заняты текстом (без заглавия) известной записки В. И. Даля о болезни и смерти Пушкина. Судя по многочисленным пометкам и оставленным на всех страницах полям для

дополнений, перед нами — первоначальная редакция записки. Другими чернилами в этом первоначальном тексте сделаны исправления, а между строк и на полях — дополнения. С этого исправленного и дополненного текста делались списки, об одном из которых, сделанном Елиз. Вас. Пистолькорс (ум. в 18~~7~~2 г.), сообщал в 1888 г. В. П. Гасвский («Вестник Европы», № 3, стр. 436 — 7). Список Пистолькорс позволяет относить время составления записки к 1837 — 1842 гг.

Впервые записка частью в пересказе, частью в извлечениях, была напечатана Д. Н. Бантыш-Каменским в составленной им биографии Пушкина в «Словаре достопамятных людей Русской земли», ч. II-ая, 1847, стр. 97 — 101.

Полностью записка была напечатана в «Медицинской Газете» 1860 г., № 49, а затем перепечатана в Собр. соч. Пушкина, изд. Анского, 1882 г., т. VII, стр. 449 — 453, и в сборнике Бартенева «Пушкин», вып. II, М. 1885, стр. 178 — 180. Здесь текст короче второй редакции описываемой рукописи. Наконец, П. Е. Щеголев в книге «Дуэль и смерть Пушкина», 2-е изд. (стр. 200 — 204) опубликовал текст записки по автографу Даля, принадлежавшему В. А. Жуковскому, а потом

перешедшему в музей Онегина в Париже. Этот текст нужно считать окончательной (третьей) редакцией. В ней, по сравнению со второй редакцией, сделаны Далем сокращения. Сличение печатного текста «Медицинской Газеты» с текстом музея Онегина сделано в указанной книге П. Е. Щеголева.

Разночтения, даваемые текстом черновой рукописи от последующих, — стилистического характера и не касаются самого содержания записки, почему приводить их мы не считаем нужным. Конец страницы 13-ой и первая половина 15-ой заняты описанием вскрытия тела Пушкина. Текст — такой же, как и в печатной редакции (абзац: «При вскрытии оказалось»...) ¹⁾.

Вторая половина 15-ой, 17-ая, 18-ая и начало 19-ой заняты текстом, озаглавленным: «Болѣзнь Пушкина». Это — последние два абзаца печатной редакции записки ²⁾.

Описание вскрытия тела Пушкина и история его болезни имеются в музее Онегина в виде

¹⁾ Собр. соч. Пушкина, 1882, т. VII, стр. 453; сб. «Пушкин», стр. 180.

²⁾ Собр. соч. Пушкина, 1882, т. VII, стр. 453 — 455; сб. «Пушкин», стр. 180 — 121.

отдельных записок: одна озаглавлена — «Вскрытіе тѣла А. С. Пушкина», а другая — «Ходъ болѣзни Пушкина». Текст этих записок болѣе разработан, чем печатный. Он опубликован Щеголевым в книгѣ «Дуэль и смерть Пушкина», 2-е изд. (стр. 204 — 206).

2-ая страница описываемой рукописи занята таким текстом:

«Пушкинъ умеръ 29-го Генв. 1837.

Жук. Государь приказалъ тебѣ сказать, Пушкинъ, чтобы ты былъ спокоенъ и ни о чемъ не заботился; жена и дѣти будутъ призрѣны.

Пушк. Благодарите Государя; скажите ему, что я умираю спокойно. Я молю, [?] чтобы онъ долго, долго жилъ, и былъ счастливъ, счастиемъ народа своего и счастиемъ сына. Просить Государя за Данзаса.

Онъ простился съ женою, съ дѣтьми, съ друзьями и приобщился. Раненъ былъ 27-го; я пришелъ, отъ Башуцкаго, 28-го въ часть и пробылъ до 29-го $\frac{3}{4}$ 3-го, послѣ обѣда. Въ домѣ не нашлось краснаго сургуча, для опечатанія бумагъ, одинъ черный. 29-го рожденъе, 30-го именины Жуковскаго. Ж.[уковскій] 29-го подписалъ корректурный листъ — послѣд-

нюю главу Ундины: о томъ, что нашъ рыцарь скончался. П.[ушкинъ] за 5 мин. до кончины призвалъ жену, чтобы она накормила его морожкой. Она стала на колѣни, дала ему ложечку — онъ погладилъ ее по головѣ и проговорилъ: ну, ничего, ничего, слава Богу, хорошо! ¹⁾ Потомъ, забывшись, вдругъ спросилъ: «Что, кончено?» — «Что кончено?» — «Жизнь!» — «Нѣтъ еще». — «О, пожалуйста поскорѣе!» — Прежде того: «Нѣтъ, мнѣ не жить, и не житье здѣсь. Я не доживу вечера — и не хочу жить. Мнѣ остается только — умереть».

Записи эти, надо думать, представляют собою первоначальные наброски того материала, на основании которого Даль писал свой рассказ о болезни и смерти Пушкина.

Разговор Жуковского с Пушкиным Даль не ввел в свое повествование, как происходивший в его отсутствие. Точно также нет в записке Даля и слов к нему Нат. Ник. Пушкиной; конечно, ее нужно подразумевать под словом «она».

¹⁾ Со слов: «Она стала» вписано другими чернилами.

Наконец, листы 2-ой и 3-ий ¹⁾ (стр. 3 — 6) описываемой рукописи заняты текстом записки Даля о трех дуэлях Пушкина. Эту записку упоминает и цитирует из нее П. И. Бартенев в своей статье «Пушкин в Южной России» в «Русском Архиве» 1866 г., стб. 1161 — 1162 и 1166 ²⁾. Так как содержание этой записки не имеет прямого отношения к теме настоящего сборника, то текст ее мы здесь не приводим.

11

Лист белой почтовой бумаги малого формата: часть письма (без начала и конца) ³⁾ Михаила Ивановича Ханенка к своему товарищу, вероятно,

¹⁾ Эти два листа — другой бумаги, нежели все остальные, и приклеены к 4-му листу. Также приклеен и 1-ый лист.

²⁾ Другая редакция этой записки помещается в Публичной Библиотеке в Петербурге. См. «Отчет Имп. Публ. Библ. за 1896 г.», С.-Пб. 1900, стр. 200. Этот текст опубликован (не полностью) в «Русской Старине» 1907 г., № 10, стр. 64 — 65.

³⁾ На верху первой страницы стоит: «2 №», указывающий, что это — второй лист письма. Первого не сохранилось.

по Московскому Благородному Пансиону, из Петербурга в Москву от 5-го февраля 1837 г. Всего текста не приводим, ограничиваясь лишь следующими извлечениями из него:

«Государь велѣлъ заплатить всѣ его казенные и партикулярные долги, которые простираются до 200,000 [рублей], далъ на погребеніе 10 000 руб., пенсіонъ и дѣтямъ: женѣ по смерти по 6,000, а дѣтямъ по 1,500 руб. И послѣ этого скажутъ, что у насъ не удобряютъ просвѣщеніе; всѣ его сочиненія велѣлъ издать на свой счетъ, но въ пользу дѣтей. Это препоручено Жуковскому — говорятъ, что ужь даютъ книгопродавцы за его рукописи 500,000 рубл. [.....]

Адресуй мнѣ письма вотъ какъ:

М. И. Ха.

У Синяго моста, въ Школу Гвардейскихъ Подпрапорщиковъ, Юнкеру Лейбъ-Гвардіи Егерскаго полка. [.....]

Поклонись матушкѣ Москвѣ [....] твой другъ
Михаилъ Хаенко.

5-го Февр. 1837 г.

С. - Петерб.

Я сейчас получилъ стихотвореніе на См.[ерть] Пуш.[кина], написанное однимъ изъ нашихъ однокашниковъ лейбъ-гусаромъ Лермонтовымъ. Оно написано на скорую руку, но съ чувствомъ. Знаю, что будешь радъ и посылаю его тебѣ, прочтите съ Петромъ Д.[емьяновичемъ] и вспомните насъ.

НА СМЕРТЬ А. С. ПУШКИНА

- Погибъ поэтъ невольникъ чести,
Паль оклеветанный молвой
Съ свиндомъ въ груди и съ жаждой мести
Поникнувъ гордою главой.
- (5) Не вынесла душа поэта
Позора мелочныхъ обидъ
Возсталъ онъ противъ мнѣній свѣта
Одинъ какъ прежде — и убить!
Убить!... къ чему теперь рыданья
- (10) Похвалъ и слезъ ненужныхъ хоръ
И жалкій лепетъ оправданья?
Судьбы свершился приговоръ
Не вы ль сперва такъ долго гнали
Его свободный, чудный даръ
- (15) И для потѣхи возбуждали
Чуть затаявшійся пожаръ!
Чтожь? веселитесь, онь мученій

- Послѣднихъ перенести не могъ
 Угасъ, какъ свѣточъ, дивный геній,
 (20) Увяль торжественный вѣнокъ!...
 Его убійца хладнокровно
 Навель ударъ — надежды нѣтъ
 Пустое сердце бьется ровно,
 Въ рукѣ не дрогнулъ пистолеть.
- (25) И что-жь за диво? издалека
 Подобный сотнямъ бѣглецовъ
 На долю счастья и чиновъ
 Заброшенъ къ намъ по волѣ рока
 Смѣясь, онъ дерзко презираль
- (30) Чужой земли языкъ и правы,
 Не могъ щадить онъ нашей славы,
 Не могъ понять въ сей мигъ кровавый,
 На что онъ руку поднималь¹⁾.

Сообщения М. И. Ханенки²⁾ в начале письма о материальной помощи Николая I семье поэта довольно точны. Преувеличена сумма долгов

1) Под последней строкой поставлен знак, указывающий на то, что было продолжение, которое не сохранилось.

2) Михаил Иванович Ханенко (род. 1818, ум. 1853) происходил из старинного дворянского рода Черниговской губ. Учился он, кажется, в известном Московском Благородном Пансионе, а затем в Школе Гвардейских

Пушкина — после его смерти был скинут долг его казне в размере 43,333 р. 33 к. и выдано на уплату частных долгов 92,500 рубл. Не внушает доверия и сумма в полмиллиона рублей, которую будто бы предлагали книгопродавцы за рукописи поэта. Остальные сведения верны.

Сообщаемый Ханенком текст первых 33 строк стихотворения Лермонтова очень близок к тексту, приложенному (в копии) к «Делу о непозволительных стихах, написанных корнетом лейб-гвардии Гусарского полка — Лермонтовым», кроме 12-го и 26 стихов, которые у Ханенка читаются так же, как и в беловом автографе

подпрапорщиков, откуда был выпущен в Финляндский полк 6-го сентября 1837 г. В «Черниговских Губернских Ведомостях» им напечатаны бумаги его прадеда, генерального хорунжого Николая Ханенко. Биографические сведения о М. И. Ханенка см. в книге: «Исторический очерк Николаевского Кавалерийского Училища», С.-Пб. 1873, стр. 72 приложений; Гр. Г. А. Милорадович, «Алфавитный список дворянских родов Черниговской губ.», Чернигов. 1890, ч. VI, стр. 210 и «Киевская Старина» 1895, сент., стр. 367. Указанием на два последние источника мы обязаны Н. П. Чулкову.

Лермонтова и 22-го, 25-го и 30-го стихов, дающих разночтения, и с автографом, и с указанной копией в «Деле» ¹⁾).

Мстислав Цявловский.

Москва. 8. X. 1923.

¹⁾ См. Лермонтов. Полн. собр. сочинений, под ред. Д. И. Абрамовича, т. II, С.-Пб., 1910, стр. 202 — 203 и 445 — 446.

IMPROMPTU

I

ОТРЫВОК ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ С. А. СОБОЛЕВСКОГО О ПУШКИНЕ

С. А. Соболевский был одним из ближайших к Пушкину людей, дружеские связи их продолжались без малого двадцать лет — с 1818 года до смерти поэта. Нераз высказывалось сожаление, что Соболевский (как, впрочем, и все почти ближайšie друзья Пушкина) не оставил о нем своих воспоминаний или хотя бы краткого рассказа о взаимных отношениях и событиях жизни поэта. Из хранящегося в Пушкинском Доме сборника бумаг Соболевского, любовно составленного его младшим другом и учеником в деле библиотеки и библиографии, — М. Н. Лонгиновым, сохранился, однако, небольшой отрывок таких воспоминаний, — начало их, начерно набросанное и, к великому сожалению, обрывающееся чуть не на полуслове. Печатый целым рядом заманчивых обещаний о содержании предположенного

рассказа, отрывок эгот даст несколько ценных указаний и утверждений, имеющих отношеніе, между прочим, и к вопросу о дуэли Пушкина. Передаем текст дословно, заключая в прямые скобки зачеркнутые автором места.

М. Беляев.

Описывая обстоятельства, предшествовавшія [смерти нашего зна] поединку Пушкина съ Дантесомъ [общій нашъ пріятель] Графъ В. А. Сологубъ выразил[ъ]ся [свое мнѣніе] слѣдующими словами:

«Онъ (Пушкинъ) въ лицѣ Дантеса искалъ или смерти или расправы съ цѣлымъ свѣтскимъ обществомъ. Я твердо убѣжденъ, что если бы С. А. Соболевскій былъ тогда въ Петербургѣ, онъ, по вліянію его на Пушкина, одинъ бы могъ удержать его. Прочіе были не въ силахъ».

Тогда Пушкинъ не былъ еще знаменитостію; разницы между нами было мало: три года по лѣтамъ и та, которая существуетъ между [шк] кончившимъ курсъ и школьникомъ. Въ 1818 году отвезли меня въ [Бла] Петербургъ и отдали въ Благородный Пансіонъ при Педагогическомъ

Университетѣ ¹⁾. Въ первый же день подходитъ ко мнѣ [товарищъ] кудрявый мальчикъ, говоритъ [мнѣ], что онъ родной племянникъ Василья Львовича [который и писалъ], что В[асилій] Л[ьвовичъ] пишетъ къ [нимъ] его отцу обо мнѣ, [что и] [мы тутъ же сошлись съ нимъ] и что онъ меня познакомитъ съ семействомъ и съ братомъ, недавно вышедшимъ изъ Царскосельскаго Лицея.

Такъ дѣйствительно и было; Александръ Сергѣевичъ часто приходилъ къ брату; мы сходились большею частію [въ] у [живущаго] [въ] Кюхельбекера, учившаго насъ русской словесности и жившаго, вмѣстѣ съ М. И. Глинкою, въ мезонинѣ [пансіонскаго дома] надъ пансіономъ. Отличительною чертою Пушкина была память сердца; онъ любилъ старыхъ знакомыхъ и былъ благодаренъ за оказанную ему дружбу—особенно тѣмъ, которые любили въ немъ его личность, а не его знаменитость; онъ цѣнилъ добрые совѣты, данные ему во-время, не въ перекоръ первымъ порывамъ горячности, проведенные разсудительно и основанные не на общихъ мѣстахъ, а сообразно съ свѣтскими [съ

¹⁾ Следуетъ: Институтѣ. М. Б.

требованіями и съ тѣмъ] мнѣніями о томъ, что есть честь и о томъ, что называется честью.

[Близкія мои] Отношенія [къ] Пушкин[у]а ко мнѣ были [всѣмъ извѣстны] основаны на этихъ чертахъ его характера. Графъ Сологубъ, общій нашъ Пушкина и мой, пріятель, зналъ [близкія наши] ихъ; [отношенія] [зналъ это]; онъ [зн] зналъ также, что я не разъ былъ замѣшанъ Пушкинымъ въ дѣла подобнаго рода и кончалъ ихъ удачно: и такъ [не] не мудро, что по его мнѣнію мое [вмѣшательство] посредничество въ дѣлѣ Пушкина съ Дантесомъ [кажется] [онъ считалъ] могло бы [будь я въ С-Петербургѣ] отворить, [тѣ] [тѣ пагубныя] [его] пагубный конецъ онаго. Для тѣхъ, которымъ все это мало [не]извѣстно, [опишу] расскажу [давнишняя моя связь съ Александромъ] [расскажу] въ короткихъ словахъ [и отчасти] [нѣкоторыя] [обстоятельства] [главныя черты о связи моей] [когда], какъ [мы] Пушкинъ и я познакомились, сблизились и остались близкими другъ къ другу.

Я [проводилъ] провелъ [Въ] дѣтств[ѣ]о [я жилъ] въ Москвѣ; одинъ тогда [однимъ] изъ главныхъ предметовъ ученія была тогда Миѳологія; я [изу] ей учился ей по [Lyonnais]Аббату Ліоне [Traité de

Mithologie, par] Traité de Mythologie, par l'abbé Lyonnais. Въ этой книгѣ [Авторъ этой книги безпрестанно повторяетъ, говоря о богахъ и герояхъ, безпрестанно говорилъ, что про боговъ les poètes les representent, les poètes] [поэты]... Нѣтъ ни одного Бога... про котораго авторъ не сказалъ бы, что поэты ему приписывали такую-то власть, что Поэты производили его отъ [поэты] такихъ то или [его] представляютъ его такимъ-то [что словомъ] и такъ далѣе. [Я по] словомъ я возымѣлъ высокое мнѣніе объ [такихъ] личностяхъ, которыхъ чуть ли не производили въ боги [или по крайней мѣрѣ въ Герои!!!] и называются: Поэтами!

Возвратившійся въ Москву Василій Львовичъ Пушкинъ, очень знакомый съ моимъ семействомъ—[пріѣхалъ], сталъ часто къ намъ [ѣздить]. [Слышу, что] Про него говорили: c'est un Poete!!! [можно вообразить], съ какимъ благоговѣніемъ я сталъ смотрѣть на него!!! [Видя его] часто, меня. Это было первое впечатлѣніе; впоследствии меня [завлекли] [меня сверхъ того плѣнили] привлекли къ нему [его] рассказы о Парижѣ, Наполеонѣ [литтературныхъ], другихъ знаменитостяхъ [русскихъ и иностранныхъ], съ которыми [я] [сталъ]

[началъ знакомиться] [по книге] меня знакомили книги; сверхъ того онъ сталъ обращать вниманіе на меня, [слушалъ мои вопросы] [на мои замѣчанія на мои вопросы; ли] училъ меня [читать громко] [декламировать] громко читать [и Жуковского] [и Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ Жуковского], какъ читывалъ Тальма [и Карамзина оду: Конецъ побѣдамъ, Богу слава] и сцены изъ французскихъ трагиковъ, и Пѣвца Жуковского и оду Карамзина: Конецъ побѣдамъ, богу слава и даже слушалъ и поправлялъ мои вопросы! Какъ же мнѣ было не любить этого добраго Василья Львовича?..»

II

БЕСЕДА М. И. СЕМЕВСКОГО С ДОЧЕРЬЮ ПУШКИНА, ГРАФИНЕЙ Н. А. МЕРЕНБЕРГ

Не так давно мне удалось найти собственно-ручную тетрадь редактора «Русской Старины» Михаила Ивановича Семеvского со следующей надписью на I стр: «Замѣтки о видѣнномъ и слышанномъ дома и за границей — 1886 — 1887 г.». Тетрадь заключает в себе 23 главы — 136 исписан-

ных страниц. Первые 3 страницы тетради посвящены князю М. С. Воронцову; на 5-й странице имеется следующая пометка: «Дочь поэта А. С. Пушкина 1886 г. Dezember 22 Января — 13 Wiesbaden Sonnenberger Strasse № 31 Villa Germania». Далее идет текст, обрывающийся (на стр. 12-й) словом «предложено». —

С. Шлицер.

«В два часа посетил графиню Меренберг, рожденную Наталию Александровну Пушкину. Это высокая, видная дама, с каштановыми волосами, синими глазами и с громким голосом. Она очень приветлива в своем обращении.

Вот сущность ее ответов на мои вопросы:

— «Я родилась за несколько месяцев до кончины отца, именно весной 1836 г. в Петербурге, где и выросла и жила до 16-летнего возраста. Все, что знаю об отце, это уже по рассказам моей матери. Причины дуэли отца мать моя исключительно объясняла тем градом анонимных писем, пасквилей, которые в конце 1836 г. отец мой стал получать беспрестанно.

Едва только друзья его В. А. Жуковский, князь П. А. Вяземский успокоют отца моего, —

он вновь получает письма и приходит в сильнейшее раздражение. Авторами писем мать моя всегда признавала князя Петра Владимировича Долгорукова, которого называли *banca!*, — известного своею крайне дурной репутациею. Это тот самый Долгорукий, который впоследствии хотел выманить деньги у князя Воронцова и был по процессу с ним осужден.

Я лично имела случай убедиться, что это был за человек.

Когда я вышла замуж за Дубельта и жила в одной квартире с своим *beau père*'ом, я встретила в приемной Леонтия Васильевича Дубельта — даму, повидимому, красивую, но лицо ее было покрыто густою вуалью. Приняв в ней участие, я ввела ее к генералу.

— «Знаешь, кто это была у меня? — сказал мне потом Леонтий Васильевич, — это княгиня Долгорукова, жена кн. Петра. Когда она подняла вуаль — я увидел глаз ее совершенно вздутым — это так вновь исколотил ее муж. Несколько раз я их мирил; кн. Петр Долгорукий клялся мне, что будет жить ладно с женой, по моим убеждениям она его прощала, — но теперь уже это кончено: после нового побоища она действительно

просит отдельного вида на жительство и уезжает жить за границу». —

Князь П. Долгоруков был замечательный лгун. Поэтому если он и отпирался потом от обвинения его в написании безымянных пасквилей к отцу моему, то ему было бы нельзя поверить. Так была убеждена в этом моя мать.

Другое лицо, на которого указывала моя мать, как на автора безымянных писем, был князь Иван Сергеевич Гагарин; по мнению матери, он и ушел в орден иезуитов, чтобы замолить свой грех перед моим отцом. Впрочем, если Гагарин потом отрицал свою вину, то ему еще можно было поверить.

Место, на котором была дуэль, я в точности не знаю, на Крестовском, — нет, кажется, в Лесном. Квартира, где он умер, была матерью покинута, но в ней впоследствии жили мои знакомые, между прочими Демидова, и я в ней часто бывала. Материальные недостатки не были причиною, способствовавшею смерти моего отца. Он имел два имения и сочинения его приносили прекрасный достаток: ему платили по червонцу за стих. Опекуном над нами назначили гр. Григория Строганова, старика самолюбивого, который,

однако, ни во что не входил, а предоставляя всем распоряжаться Отрешкову, который действовал весьма недобросовестно. Издание сочинений отца вышло небрежное (1838—1842), значительную часть библиотеки отца он расхитил и продал, небольшая лишь часть перешла к моему брату Александру; время, удобное для последующих изданий сочинений отца, пропустил... Мать мою не хотел слушать и не позволял ей мешаться в дела опеки и только когда мать вышла замуж за Ланского, ей удалось добиться удаления от опеки Отрешкова: назначили опекуном Ланского.

Император Николай был очень благосклонен к моей матери и к нам. Он ее посещал, уплатил все долги отца, при каждой встрече говорил с нею и принимая в ней участие, положил ей пенсию, сыновей записал немедля в пажы, мне и сестре (вдова Гартунг) было предложено...» ¹⁾

¹⁾ Подлинная рукопись М. И. Семевского с записью его беседы с графиней Меренберг передана С. М. Шпидером в Пушкинский Дом.

III

МОГ ЛИ ИНОСТРАНЕЦ НАПИСАТЬ АНОНИМ- НЫЙ ПАСКВИЛЬ НА ПУШКИНА?

(ОПЫТ ГРАФИЧЕСКОГО АНАЛИЗА).

До нас дошло два экземпляра пасквильного «диплома», посланного Пушкину 4 ноября 1836 г. Один из них автотипически воспроизведен в книге А. С. Полякова «О смерти Пушкина».

Как известно, Пушкин был убежден, что «диплом» был писан иностранцем. А. С. Поляков, в своей книге склоняется к тому, что диплом этот писал русский, и выставляет в качестве мотивов ошибки в употреблении «é» во французском тексте и чисто-русские разговорные формы, употребленные в адресах (Сергеичу, Михайле и т. п.). Позволю себе выдвинуть в защиту утверждения Полякова еще следующие соображения, основанные на анализе графических особенностей оригиналов «диплома». Документ этот написан полукурсивом, т. е. буквы (не все) вырисованы в форме печатных. Заметим, что русский алфавит в курсиве совпадает в некоторых буквах с латинским. Но не всегда этим курсивным со-

впадениям соответствуют одинаковые печатные буквы. Остановимся на следующих:

Курс. *и* — соответствует в русском печатном алфавите И, в латинском И

Курс. *п* — в русск. — П, в латинском П

Курс. *т* — в русск. (30-х годов) — Т, в латинском Т

Характерно, что эти три буквы упорно вырисовываются в дипломе в форме русских печатных эквивалентов курсиву, а не в форме латинских. Для иностранца такое начертание этих букв немислимо. Особенно дико должно выглядеть русское «и» взамен французского «и».

Если мы обратим внимание на начертание «к» в фамилиях «Naryshkine» и «Rouchkine», то и здесь мы узнаем руку русского: вместо французского «к» с высокой палочкой, мы видим строчное русское «к». Точно также буква «b» в слове «vénéable» написана по-русски с петелькой, вместо французского «b» без верхней петли. Характерно, — что все эти начертания встречаются в русском написании адреса (писанного тою же рукою, что и «диплом»), но здесь они не диссонируют с русской системой начертания.

Ясно, что графические навыки, обнаруживающиеся в начертании диплома, не могут принадлежать иностранцу ¹⁾. Все они обнаруживают русского автора. Возможно, что оригинал скопирован с иностранного образца. Но писала его несомненно русская рука.

Б. Томашевский

¹⁾ Вопрос о сознательной подделке под русскую азбуку отпадает, потому что в таком случае нельзя объяснить спорадического употребления курсивного «и», а также неиспользования русского «ч», как эквивалента французскому «г».

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абрамович, Д. И. 118. Беляев, М. Д. 122.
 Авалиани, С. Л. 39. Бенкендорф, гр. А. Х. 66,
 Адлерберг, гр. В. Ф. 29, 78, 79, 82, 89, 91, 92.
 71, 72. Благово, Д. 31.
 Аксаков, И. С. 33. Бобров, Е. А. 18, 30.
 Александр II, импера- Булгаков, А. Я. 58, 70,
 тор 111. 90, 96, 107.
 Аммосов, А. 79, 80, 82, Бурцев, Вл. 40.
 83, 84, 85, 88, 89, 92, 94, 95. Бутурлин, гр. М. Д. 32.
 Андреевский, К. Э. 39. Бухгейм, Л. Э. 77.
 Андреевский, Э. С. 38,
 39.
 Анненков, П. В. 38, 72, 73.
 Анский, изд. 109.
 Арндт, доктор 53, 54, 55,
 56, 57, 58, 59, 61, 62, 63,
 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70.
 д'Аршиак, виконт. 78, 82,
 83, 85, 87, 88, 89, 93, 94.
 Бантыш-Каменский,
 Д. Н. 68, 69, 70, 71, 72, 73,
 109.
 Барсуков, Н. П. 30.
 Бартенев, П. И. 29, 30,
 75, 77, 78, 88, 94, 108, 109, 113.
 Белоголовый, Н. А. 36.

- Вяземский, кн. П. А. 31, 36, 39, 58, 59, 64, 69, 72, 77, 83, 84, 85, 88, 89, 90, 91, 93, 94, 95, 96, 107, 108, 127.
- Гагарин, кн. И. С. 15, 16, 17, 19, 21, 24, 25, 28, 29, 129.
- Гаевский, В. П. 109.
- Ганнибалы, 30.
- Гартунг, М. А. рожд. Пушкина 130.
- Геккерен, барон 16, 31, 70, 79, 80, 82, 83, 84, 87, 91, 92.
- Герцен, А. И. 28, 33, 34, 37, 38.
- Гершензон, М. О. 37.
- Глинка, М. И. 123.
- Головин, А. В. 35.
- Грот, Я. К. 32.
- Даль, В. И. 56, 77, 108, 109, 110, 112, 113.
- Данзас, К. К. 56, 57, 64, 70, 77, 78, 79, 82, 83, 84, 85, 87, 88, 89, 91, 92, 93, 94, 111.
- Дантес, Е. Н. рожд. Гончарова 100, 105.
- Дантес-Геккерен, 14, 20, 24, 31, 78, 82, 85, 86, 87, 88, 93, 94, 99, 100, 104, 105, 122, 124.
- Демидова, 129.
- Долгоруков, кн. П. В. 15, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 128, 129.
- Долгорукова, кн. О. Д. рожд. Давыдова 27, 34, 128, 129.
- Лондуков-Корсаков, кн. А. М. 30.
- Дубельт, Л. В. 26, 128.
- Дубельт, М. Л. 128.
- Ефремов, П. А. 81.
- Жуковский, В. А. 26, 53, 54, 55, 61, 62, 63, 64, 65, 67, 72, 91, 109, 111, 112, 114, 124, 127.
- Илличевский, А. Л. 70.
- Исаков, Я. А. 64, 79.
- Кавелин, К. Д. 35.
- Кантор, Р. М. 19.
- Карамзин, Н. М. 126.
- фон-Кауфман, П. М. 82, 83, 84, 94, 95.
- Крылов, А. Л. 70, 72.
- Кюхельбекер, В. К. 123.
- Ланской, П. П. 130.
- Лебедев, К. Н. 19.
- Левашева, А. С. 39.
- Левашев, гр. В. В. 39.
- Леве Веймар, 97.
- Лемке, М. К. 18, 34.
- Лермонтов, М. Ю. 14, 78, 115, 117, 118.
- Лионе, аббат 124, 125.
- Лонгинов, М. Н. 29, 121.

- Мезенцов, Н. В. 40.
 Меренберг, гр. Н. А. рожд. Пушкина 24, 48, 126, 127, 130.
 Мещерский, кн. А. В. 32.
 Милорадович, гр. Г. А. 117.
 Михаил Павлович, вел. кн. 88, 107,
 Модзалевский, Б. Л. 11, 17, 27, 49, 60.
 Морозов, П. О. 40.
 Морозова, Н. Ю. рожд. Ярошенко 40.
 Мятлева, Е. 39.
- Наполеон, I имп. 125.
 Нефедова А. П. 56.
 Никитенко, А. В. 40, 42, 46, 47, 48.
 Николай I, имп. 51, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 92, 111, 114, 116, 130.
- Оболенский, кн. Д. А. 33.
 Огарев, Н. П. 34, 38,
 Оксман, Ю. Г. 51, 73.
 Онегин, А. Ф. 62, 100.
 Орлов, гр. А. Ф. 43, 44, 45.
 Основский, издат. 37.
- Пассек, Т. П. 34.
 Пистолькорс. Е. В. 109.
 Плетнев, П. А. 32, 35.
- Погодин, М. П. 30.
 Поджио, А. В. 35, 36.
 Полевой, К. А. 32.
 Полевой, Н. А. 32.
 Поляков, А. С. 9, 15, 28, 81, 82, 83, 131.
 Потапов, А. Л. 22, 26.
 Пугачев, Е. 96.
 Пушкин, А. А. 130.
 Пушкин, В. Л. 123, 125, 126.
 Пушкин, Л. С. 123.
 Пушкин, С. Л. 123.
 Пушкина, Н. А. см.—
 Меренберг, графиня.
 Пушкина, Н. Н. 54, 56, 57, 58, 61, 63, 67, 69, 99, 100, 101, 103, 104, 105, 106, 107, 111, 112, 114, 127, 129, 130.
 Пушкины 30, 92.
- Россет, К. О. 16,
- Саитов, В. И. 67.
 Самарин, Ю. Ф. 33.
 Семейский, М. И. 48, 126, 130.
 Сен-Пьер, аббат 98, 103.
 Смирнова, А. О. 96.
 Соболевский, С. А. 17, 18, 19, 20, 22, 24, 26, 28, 29, 30, 49, 121, 122.
 Сологуб, граф, В. А. 122, 124.
 Спасский, П. Т. 56.
 Стасюлевич, М. М. 35, 38.

- Стороженко, А. Я. 60. Ханенко, Н. 117.
Строганов, граф, Г. А. 89, 90, 91, 129.
Суворин, А. С. 38. Цявловский, М. А. 75, 118.
- Тарасенко-Отрешков, Н. И. 130. Чернышев, граф, А. И. 95.
Томашевский, Б. В. 133. Чулков, Н. П. 117.
Тургенев, А. И. 56, 57, 64, 89, 90, 91. Шпидер, С. М. 127, 130.
Тургенев, И. С. 37, 38. Щеголев, П. Е. 9, 13, 15, 28, 54, 61, 62, 63, 64, 66, 79, 85, 88, 89, 90, 96, 97, 109, 110, 111.
Тургенев, Н. И. 57.
Тучкова-Огарева, Н. А. 33.
- Фредерикс, барон 41, 46. Янькова, Е. П. 31.
Ханенко, М. И. 78, 113, 114, 116, 117. Ярошенко, Н. Ю. см. — Морозова
-